

МОРИС ДОМАНЖЕ

БЛАНКИ

Пер. с французского Ц

Веб-публикация:
библиотека Vive Liberta, 2009

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“
Ленинград 1925

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
I. Жизнь.	
От рождения по 1830	5
С 1830 по 1848	8
Начало Февральской Революции. Документы Ташеро	15
С 16-го апреля 1848 г. до амнистии 1859 г.	23
От амнистии 1859 г. до войны 1870 г.	30
От войны 1870 до кончины	34
II. Идеи.	
Бланки, как мыслитель	46
Критика капиталистического общества	48
Борьба классов	54
Критика паллиативов	57
Кооперация, синдикализм и стачка	59
Необходимость политической борьбы	63
Эволюция и революция. Диктатура пролетариата	65
Разрыв с буржуазией. Вооружение рабочих	67
Отсрочка выборов. Отклонение Национального Собрания	71
Борьба против церкви и религий	74
Уничтожение буржуазной прессы	76
Всестороннее просвещение для всех	77
Другие диктаторские меры	79
Коммунизм	81
Критика различных социалистических школ	86
Тактика восстания	88
Бланкизм в Интернационале и Коммуна	90
Бланкизм и марксизм	93
Русский бланкизм	95

ПРЕДИСЛОВИЕ

Быть может, немного смело браться за очерк жизни и теории Бланки. Столько еще неизвестного и невыясненного в его долгой и бурной жизни, столько мыслей рассеяно им по ветру и потеряно навсегда! И, кроме того, с одной стороны, Бланки, как и всех защитников пролетариата,—чернили по злобе, искажали по жгучей ненависти, с другой стороны, ревностные поклонники замалчивали его недостатки, ошибки, слабости. А между тем, в Истории Социалистических Идей—этот великий революционер должен занять свое место и одно из первых

Его жизнь, удивительная по героизму и преданности пролетарскому делу, может служить поучением.

Его взгляды—ясные, точные, уже со времени Июльской монархии вполне установившиеся—оставили глубокий след на труде Маркса. Да и теперь еще они сильно влияют на мировое революционное движение, каковы бы ни были поправки, внесенные временем

Бланки, кроме того, служит связующим звеном бабуизма с современным коммунизмом, французской революции с революцией русской. Не помянуть о нем среди предшественников социализма было бы не только несправедливо, но и значило бы извращать историю.

І. Жизнь.

От рождения по 1830-й год.

Луи-Огюст Бланки (Luis-Auguste Blanqui) родился 12-го плювиоза XIII-го года (1-го февраля 1805 года) в Пюже-Тенье Приморские Альпы (Puget-Theniers, Alpes Maritimes). Его отец, итальянец по происхождению, супрефект¹ и жирондист, член Конвента, просидел десять месяцев в тюрьме во времена санкюлотизма (то-есть господства якобинцев); это был человек талантливый, деятельный и простой. Его мать—уроженка Пикардии, женщина «лучезарной красоты», стойкая и твердых принципов, была способна на самую большую преданность.

Молодой Бланки унаследовал качества своих родителей. Младший в семье восьмерых детей, он с братьями и сестрами растет на свободе: то гоняется по залам супрефектуры, то резвится на улице маленького городка. Он любит также взбираться на залитые солнцем горы и рано привязывается к природе.

Его определяют в местный коллеж (гимназию), но остается он в нем недолго. Падение Наполеона заставляет семью Бланки покинуть юг. Получив неожиданное наследство, она поселяется в Оней су Оно, Эрский Департамент (Aunay-sous-Auneau, Eure-et-Loire). Старший из де-

¹ Со времени революции Франция в административном отношении делится на департаменты (соответствующие нашим губерниям), во главе которых стоят префекты (соответствующие нашим бывшим губернаторам) супрефекты (помощники губернатора).

тей, Адольф, будущий экономист, пройдя некоторые испытания, делается преподавателем в Париже, в одном очень известном учебном заведении и одновременно—репетитором в коллеже Карла Великого. Адольф выписывает к себе брата, любознательность которого и редкий ум вскоре делаются предметом всеобщего удивления. В продолжение шести лет, с 1818 по 1824 год, молодой Бланки учится и преуспевает. По греческому, латыни, географии, истории—он перегоняет своих товарищей. «Этот ребенок удивит мир»—пишет отцу старший брат. И действительно, этому молодому человеку небольшого роста, бледнолицему блондину с симпатичной физиономией суждено было заставить говорить о себе. Его имя должно было попасть на страницы истории всемирного пролетариата. Учение не вполне поглощало молодого Бланки. Он прислушивался и к шуму политической борьбы. «Мои уши жадно собирали все отклики политики»—признавался он позже. И рано научился он ненавидеть Бурбонов.

Бланки был классным товарищем сына Жана-Батиста Сэя (Jean-Baptiste Say), и, через него вступив в сношения с самым выдающимся из французских экономистов, он «внимательно прислушивался к малейшему его слову». Убеждения Жана-Батиста Сэя были очень передовыми для его времени; он ненавидел одновременно Бурбонов и Бонапарта и содрогался от энтузиазма при мысли о возможности народного восстания, — все это не пропало для Бланки. В то же время Жан-Батист Сэй открыл и двери политической экономии молодому школьнику, который с нетерпением ждал лишь освобождения от школьной учебы, чтоб наброситься на изучение подлинных трудов ученого.

В 19 лет, в возрасте «высших откровений», когда определяется направление всей жизни, Бланки покидает коллеж. С этого времени он лихорадочно зачитывается всеми книгами, знакомство с которыми он откладывал из страха наказаний и конфискаций. Гнев и возмущение накипают у него на душе. Окружающие условия, воспоминания об отце довершают остальное. Бланки завоеван навсегда: все толкает его на решительную оппозицию против господствующего строя.

Мы в 1824 году. Общество французских карбонариев¹, несколько лет тому назад основанное Базаром, Флотаром и Бюше, объединяет самых ярых и самых смелых из оппозиции. Бланки присоединяется к ним. Полиция уже отмечает его как «неблагонадежного». В это время он преподает со старшим братом в коммерческом училище и сотрудничает во Французском Курьере», (Courrier français), газете, в которой Воие д'Аржансон (Voyer d'Argenson) возвещает «науку о социальной справедливости».

Бланки делается потом воспитателем сына генерала Компанс в замке де Бланьяк. в департаменте Верхней Гаронны. В продолжение двух лет он, не принимая участия в светской жизни, наполняет свое существование педагогической деятельностью, разговорами с генералом чтением и размышлениями в одиночестве своей комнаты.

Вернувшись в Париж в 1826 году он делается репетитором в школе Массэн. Одновременно он изучает право и медицину. Студенты, возмущенные скандальным постановлением о субсидии в один миллиард эмигрантам за конфискованное у них Великой Французской Революцией имущество и позорным законом о святотатстве²—волнуются, устраивают собрания в кафэ, манифестации на улицах, несмотря на преследования полиции. В одной из схваток Бланки два раза ранен саблей. А 19-го ноября 1827 года на баррикаде он ранен пулей в шею. Но эти поранения только прелюдия к его бурной карьере.

Выздоровев благодаря терпеливому уходу матери, Бланки возвращается к своей учительской деятельности. Он дает частные уроки у г-жи Монгольфье и в одном женском пансионе. Одна из его учениц, хорошенькая брюнетка, лет 13,

¹ Так называлась известная тайная политическая партия в Италии, основанная в начале XIX века, насчитывавшая многих приверженцев во Франции во время реставрации. Целью партии было — торжество радикальных идей и объединение Италии. Карбонариями (гульщиками) названы потому, что собирались в лесу. Прим. пер.

² Закон о святотатстве, вотированный в 1825 году, отмененный в 1830 г. наказывал смертной казнью неуважительное отношение к священным предметам, допускал большие злоупотребления духовенства

с манерами взрослой девицы, влюбляется в него и шестью годами позже делается его женой.

От 1828 по 1829 год Бланки путешествует. Он едет на юг, возвращается на родину. В Ницце он возбуждает подозрительность местных властей, и его арестовывают. Он знакомится с тюремным заключением. По освобождении он уезжает в Бордо, а потом в Испанию. 9 августа 1829 года он возвращается в Париж.

Сделавшись стенографом оппозиционной газеты Глоб (Globe), основанной Дюбуа и Пьером Леру, Бланки довольствуется составлением отчетов о прениях в Палате Депутатов. Но в то же время наблюдает и прислушивается к окружающему. Гизо, Кузен, Вильемэн, Дамирон, Тьер, Минье, Сен-Бев, Ремюза все люди золотой середины, участвуют в «Глобе». Бланки слушает, как они взвешивают каждое слово, как они всегда готовы задушить всякий великодушный порыв. И как только народный поток хлынул на Тюльери и Городскую Ратушу — он бросает этих «людей порядка», предоставляя им предаваться академическим рассуждениям и мелочным честолюбивым расчетам. Пусть другим принадлежит «честь мало опасной конституционной оппозиции!». Решительный партизан вооруженного восстания, Бланки с ружьем в руках принимает участие в трех Славных днях¹.

С 1830-го г. по 1848-й год.

После Июльских дней народ согласился признать правительством орлеанистов из «лавочки» Луи Филиппа. Бланки разочарован. Разочарован, но не отчаивается. Запах пороха, вид баррикад, треск перестрелки, храбрость и, в некотором роде, мудрость «святой черни», добившейся свержения правительства, делают Бланки пылким сторонником восстания. Он думает, что новым натиском можно будет добиться Республики. Словом и пером, в клубе, в тайном обществе, в редакции и среди своих товарищей — студентов работает он над пропагандой своих тактических принципов.

¹ Революции 30 года. П р и м. п е р.

Общество друзей народа (Société des Amis du Peuple), руководимое Годфруа Кавеньяком, не довольствуется требованием перемены Июльской монархии на демократический режим, оно смело приступает к обсуждению социальных вопросов. Бланки вступает в него, и с этой минуты можно его причислить к революционерам, которые не удовлетворяются только «переменой форм». В декабре 1830-го г. он манифестом выражает свое сожаление по поводу утраты Бенжамена Констана, одного из самых решительных защитников свободы, великого гражданина и великого человека; он восстает против «правительства гонителей» и призывает студентов почтить память бойца, умершего на поле брани, присутствием на его похоронах.

13 января 1831-го года он пишет протест от имени школьного комитета против орлеанистских злоупотреблений, организует манифестации в Сорбонне, доходит до неистовства. Его, как студента, вызывают на суд академического совета, который лишает его трех зачетов. В продолжение трех недель он, кроме того, находится под арестом. По освобождении, более чем когда-либо возбужденный, он принимает участие во всех заговорах, во всех бунтах. Бланки начинает пользоваться большим влиянием на наиболее экзальтированных, которые тогда могли быть только авангардом республиканской партии, на эту горсть отважных и неукротимых людей, которые не боятся сразиться со сторонниками порядка, про которых можно было сказать, что их отчаянная борьба «кажется драматическим эпизодом какой-то легенды геройских авантюристов». Генрих Гейне, попав случайно на собрание Друзей Народа, на котором теснилось около 1.500 человек, слышит, как Бланки произносит речь, «полную едкой насмешки против буржуазии». В январе 1832-го года Бланки был арестован вместе с Распайлем по обвинению в заговоре на безопасность государства. Это — процесс Пятнадцати. Когда у него спрашивают об его профессии, он гордо отвечает: «Пролетарий», и это простое слово почти равносильно изложению убеждений. Из обвиняемого он делается обвинителем и произносит со страстным красноречием строгую обвинительную речь против общества, живущего грабежом и привилегиями.

Он обзывает палату депутатов «беспощадной машиной, которая давит 25 миллионов крестьян и 5 миллионов рабочих». Обвиняет присяжных и национальную гвардию в служении буржуазии. Требуется всеобщего голосования, налога на роскошь и подчеркивает свое пренебрежение к 93-му году, «который может служить пугалом лишь для кухарок и игроков в домино». Присяжные, удивленные, пораженные этим молодым трибуном, который обладает убедительностью апостола и горечью старого борца,—выносят оправдательный приговор по обвинению в преступлении против законов о печати (выдвинутому обвинительным актом). Но суд приговаривает его к 1 году тюремного заключения и 200 франкам штрафа.

Выйдя из тюрьмы, Бланки нашел своего брата перешедшим на сторону правительства и не одобряющим его поведения. Отец умер. Мать, старшая сестра и невеста остаются ему верны, несмотря на испытания. Как он поступит? Откажется от борьбы?—Никогда!

Он снова приступает к агитации и пропаганде. Но чтобы успешно выполнять свою задачу, он чувствует необходимость углубить свои знания. И после собраний, в своей студенческой каморке он работает до поздней ночи, читает, делает выписки, думает над политическими и социальными задачами, к которым он пристрастился. Перед ним пример старших. Распайль сообщает ему холодную страсть ученого и спокойное мужество апостола. Старый Буонаротти, товарищ Бабёфа, передает из уст в уста традиции «Равных» и опыт почти полувековой борьбы. Этот славный и благородный старец, закаленный в заговорах и пылающий неугасимым энтузиазмом к делу угнетенных пролетариев, оказал сильное влияние на молодого двадцатисемилетнего революционера. Оно положило неизгладимую печать на его ум и сердце. Но по некоторым пунктам ученик не согласен с учением учителя: он отбрасывает, например, мистицизм и робеспьеризм патриарха Равенства. На знаменитом Апрельском процессе 1835-го года Бланки и Буонаротти назначены, наряду с главнейшими деятелями республиканской партии,—защитниками обвиняемых. Вследствие приговоров и бегства, ряды оппозиции редкеют: необходима

новая перегруппировка сил. Барбес основывает Общество семей, Бланки к нему присоединяется. Полиция, всегда готовая погубить тех, которых она опасается, старается прихватить их обоих по делу цареубийства, но тщетно. Немного позже ей удастся все-таки наверстать потерянное и впутать их в дело о фабрикации пороха на улице Лурсин. Бланки арестован у Барбеса 6-го марта 1836-го года. Приговоренный к двум годам тюрьмы и 3.000 франков штрафа, он отвезен в центральный дом заключения в Фонтевро (Луарский департамент). Он проводит в заключении восемь месяцев, до амнистии 1837-го года, которая заменяет тюрьму ссылкой в Понтуаз под надзор полиции.

Уже три года как Бланки женат. Он—отец семейства. Его молодая мужественная жена последовала за ним в Фонтевро, а потом поселилась с ним в Женсе на берегу Уазы. В этом уединении приговоренный к поселению, преследуемый постоянным надзором и даже посылками, он проводит все-таки самые счастливые годы своего существования. Эта передышка позволяет ему познать и оценить радости семейной жизни. Она дает ему немного времени для грез, но более, чем когда-либо, толкает его к тайной деятельности.

Вот вкратце каково было тогда общее положение. Капиталистическое общество окончательно сменило феодальное. Развитие машинизма, концентрация производства усиливаются. Государство, перешедшее на службу судозавоев и крупной индустрии, сильно отягчено в финансовом отношении. На национальном знамени еще явственнее, чем во времена реставрации, читается: французский банк. Содержать правящих приходится, главным образом, пролетариату. Тяжелый труд во вредной обстановке, нищенская заработная плата, цинизм новых господ, думающих только о своем обогащении и яро защищающих свои политические привилегии, возмущают рабочий класс и толкают его на революционный путь. Книга и устная пропаганда Буонаротти сильно действуют на борцов этой озлобленной среды. Кроме того, появляются новые мыслители, выражающие народные стремления и проповедующие различные средства помочь положению. Луи Блан готовит свою «Организацию

Труда». Сен-Симон продолжает свою пропаганду. Фурье развивает свои теории. Но Бланки в этот период усиленного идеологического брожения думает прежде всего о деятельности. Больше всего в его уединении занимает его не теоретическое обоснование социализма, а создание ударных батальонов против буржуазного правительства.

На смену преследуемого задавленного Общества семей приходит Общество Времен Года (1837) (Société des Saisons). Организуются отряды, подразделенные на недели в шесть человек, управляемые воскресеньем, — месяцы, из четырех недель, управляемые Июлем, группы в три месяца или времена года под началом весны, четыре времени года (или год) под предводительством революционного агента. Как в заговоре Равных и заговоре Карбонариев, — и здесь высшее управление остается тайным. Но теперь мы знаем имена вождей. Это были: Бланки, Мартин Берnard, Барбес.

В начале 1839-го года Бланки, вернувшись в Париж, полагает, что время действовать настало. Внимательный выбор вождей, подготовка и вооружение отрядов — все готово. Много ружей не хватает, но предполагается, что в день схватки их отберут у владельцев магазинов оружия. Барбеса вызывают в Париж. Выступление назначено на 12-ое мая, в воскресенье. Погода прекрасная. Бега на Марсовом Поле отвлекают из центра Парижа большое количество буржуазии. Ратуша не защищена, восемьсот пятьдесят повстанцев, приблизительно, собираются на улицах С. Дени, С. Мартин, в пивных, в квартирах рабочих. Бланки вынимает из кармана красный платок, привязывает его к пистолету и подает сигнал. Начинают грабить оружейную лавку Лепажя. В эту минуту Бланки проявляет некоторую нерешительность, он дрожит, боится. Быть может, ему уже ясно, что восстание преждевременно? Или поддается он простому рефлексу? Все равно! Взявшись за гуж — не говори, что не дюж. Повстанцы делятся на несколько отрядов, овладевают ратушей, нападают на мерию VII и VIII района. Появляется муниципальная гвардия и линейные войска, а к горсти повстанцев примыкает мало новых борцов из народа. Строят баррикаду на улице Грнет,

другую — в квартале С. Мери. В конце-концов восстание все же подавлено. Раненый Барбес взят в плен. Бланки посчастливилось — ему удается бежать.

В продолжение шести месяцев он скрывается от полиции. 14-го октября 1839-го года, в минуту, когда он уже входит в дилижанс, который должен доставить его в Швейцарию, — его арестовывают. Отданный под суд (январь 1840), он отказывается отвечать и ограничивается протестом против обвинения в убийствах.

Как Барбеса и Мартин - Бернарда, так и Бланки приговаривают к смертной казни, но как для них, так и для него казнь заменена пожизненным тюремным заключением. Он заключен в крепость на скале С. Мишель¹.

В продолжение четырех долгих лет на этой «несчастной скале» в тюремной келье «Малого заключения» или в «Ложках» под крышей томится он в заключении. Когда-то сидели там же один из сыновей Бабефа и участник конвента Ле-Карпентье. Бланки забывает там о существовании общества, в котором можно жить иначе, чем «повседневным ощущением страдания».

Решетки, железные брусья, толстые стены, громадные замки — вот единственные вещи, которые его окружают. Его взгляд теряется в небе и море. Ему виден только уголок песчаного побережья, но воображением он уносится в Париж, город революций. И он снова возвращается к думам об освобождении пролетариата и берется за книги, которые в его положении составляют единственное убежище и утешение.

Он переживает минуты отчаяния, апатии, фатализма и злобы. Он переносит те «пытки, по словам одного консервативного писателя, которые бесчестят цивилизованное правительство». К завершению несчастья он узнает о смерти своей молодой жены. Такие испытания не переживаются даром, не оставив глубокого изменения в характере. Бланки, весь ушедший в себя, делается холодным, недоверчивым, подчас подозрительным. «Он затаил свою силу в глубине своего существа» — выразился про него Густав Жоффруа.

Болезнь Бланки заставила администрацию перевести его в дом заточения в Тур, а оттуда в общий госпиталь 23-го апреля 1844-го года. Префектом был отдан, устно и письменно, строгий приказ не допускать никаких сообщений с узником без особого разрешения, хотя «очень плохое состояние здоровья» его отклоняло всякую опасность побега. Приговор врачей, признавших Бланки неизлечимым, дошел до министерства 4-го декабря 1844-го года. Приказом от 6-го января Луи Филипп помиловал заключенного. Это помилование было передано судебным порядком 9-го декабря директору госпиталя с приказом тотчас освободить Бланки. Но последний отказывается принять эту милость и энергично протестует против этой меры.

Так как префект настаивает, то 26-го декабря Бланки письменно повторяет свой отказ на страницах местной газеты.

Министр внутренних дел повелевает обойти этот отказ, но в виду состояния здоровья Бланки, позволяет оставить его в госпитале. По этому поводу возводили разные обвинения на Бланки. Они не подтверждаются ни логикой, ни рассмотрением архивных бумаг турского госпиталя.

Правительство Луи Филиппа было заинтересовано в освобождении Бланки, чтобы снять с себя ответственность в случае смерти, но ему выгодно было также не упускать его из рук, чтоб помешать ему вредить.

Незаконное положение Бланки после отказа от помилования вызвало незаконный приказ о его содержании в госпитале. Расходы содержащихся вместе с Бланки Дюпоти и Хубера, со дня, когда и они получили помилование и отказались от него, не отличаются от тех, которые идут на Бланки.

Только после двадцати месяцев, проведенных в постели, в октябре 1845-го года Бланки может, наконец, встать. Он начинает поправляться; пользуясь более слабым надзором, толпа рабочих и политических осужденных посещают его. Старый город Тур сделался одним из важных коммунистических центров.

Вследствие бунта 21 и 22-го ноября 1846-го г. арестовали членов «Кабачка чортовых сыновей» (*Gouquette des fils du*

diabie), основанного отколовшимися икарийцами с одобрения Бланки. По доносу последний посажен в тюрьму, но за недостатком улик суд прекращает дело. Тем не менее Бланки держат в заключении в Блуа.

Революция 48-го года освобождает его.

Начало Февральской Революции.

Документы Ташеро.

26-го февраля Бланки в Париже, где только что основался клуб под его руководством. История снова налагает на него тяжелую ответственность.

Не забудем, что в продолжение долгих лет заточения Бланки, появлялись новые люди в общественном движении — Маркс, Энгельс, Прудон, Бакунин. Вышла хартия современного рабочего движения: — «Коммунистический Манифест», вышла на нескольких языках, не произведя нигде ни малейшего впечатления.

Бланки не мог близко познакомиться ни с трудами, ни с деятельностью этих новых деятелей. Не входя с ними в сношения, не имея времени расширить и углубить свои знания, он выступает на политическую арену.

Тем не менее он не служит делу пролетариата на манер какого-нибудь вульгарного агитатора. Он не упивается высокопарными речами и не кружит ими головы других. Он холодно взвешивает положение и одним словом характеризует программу нового правительства: «перемена формы и та же сущность. Здание, построенное на привилегиях, в котором ни одним камнем не меньше, только несколькими фразами и украшениями больше». Пустоту фразеологии и обещаний временного правительства он показывает в следующей прокламации: «Республика — это обман народа, если все сводится к замене одной формы политической власти другой. Недостаточно переменить имя: надо изменить порядок. Республика — это освобождение рабочих; это конец эксплуататорского режима; это начало нового порядка, который освободит труд от тирании капитала».

«Свобода, равенство, братство — этот девиз, который красуется на наших зданиях, не должен быть пустою бутафорией. Довольно погремушек, мы больше не дети! Нет свободы, когда нет хлеба. Нет равенства, когда роскошь режет глаза рядом с нищетой. Нет братства, когда работница со своими голодными детьми пресмыкается у дверей дворцов.

«Работы и хлеба! Существование народа не может зависеть от страха и злопачетства капитала».

И с самого начала, обсудив положение, Бланки доходит до теоретического предвидения событий. Он предсказывает полную неудачу рабочей производительной ассоциации — этого «невозможного опыта». Но ожидает, напротив, многого от сближения рабочих и требует уничтожения параграфов 415 и 416, запрещающих союзы. Заглядывая дальше стен столицы, он не боится сказать своим друзьям по существу следующее: «Франция далеко не революционна, надо бояться запугать ее, самое верное предоставить заседающих в городской ратуше их бессилию и организовать жителей предместий, выжидая терпеливо удобного момента».

Когда невысокий человек в черных перчатках, с бледным лицом и горящими глазами взял в первый раз слово в Прадо, после бесконечных аплодисментов, на всех лицах выразилось удивление. Все эти вооруженные граждане и готовые к бою не ожидали таких советов. Они были успешны и в то же время побеждены. В это памятное собрание клуб преобразовался в центральное республиканское общество. Бланки стал аккуратно посещать его. Каждый вечер там сходились — Альфон Эскирос, автор «Истории Монтаньяров», бабувист Савари, Дюрриё, Фреми, фурьерист Туссенель, философ Ренувье, Фомберто, Флотт, Боннелье и даже Анри Рошфор — пятнадцатилетний гимназист тогда.

Только один этот кружок и внушал серьезные опасения временному правительству.

Бланки, председатель этого кружка, любил конкретные речи и предложения, отклоняя дебаты от зыбких туманов фразеологий. Клуб редко вотировал те зажигательные

решения, которые приписывались ему несправедливо буржуазией и позволяли представлять Бланки пугалом, способным толкнуть крестьянство на путь контр-революции. Надо было дискредитировать Бланки, подорвать его популярность, помешать массам следовать его указаниям!

В этом пункте консерваторы, буржуа и демократы сходились и находили сочувственный отклик в клубе Барбеса.

Гарнье Паже рисует нам в это время Бланки «лихорадочно деятельным, бегающим по мастерским, будоражащим предместья, вторгающимся всюду неутомимым и возбуждающим все страсти».

При помощи своей «фаланги приверженцев» он постоянно вербовал новых бойцов, привлекал на свою сторону самых решительных посетителей клубов и подготовлял себе сторонников даже среди стражи городской ратуши и монтаньяров Коссидиера. Он был как бы вождем тайной и неуловимой армии. Он представлял действительную силу. Это увидели ясно 17-го марта на первом сражении, которое под девизом «Братство» открыто свело друг с другом два соперничающих класса. Более ста тысяч рабочих прошло перед городской ратушей в этот день, и Бланки во имя их добился двойного обещания: удаления войск и отдаления срока выборов, этих двух поистине единственных средств подержать революционное движение.

Делалось настоятельно необходимым разрушить влияние Бланки, повалить этого опасного врага или по крайней мере заставить его перейти к борьбе оборонительной. Тогда-то «Историческое Обозрение» Ташеро (Revue rétrospective) напечатало — будто невзначай — документ, долженствовавший доказать измену Бланки.

Вступление указывало на происхождение этого документа: он попался в бумагах министерства Гизо и заключал сообщение, сделанное министру внутренних дел. Ташеро предупредил, что имя не было обозначено в оригинале, и никакой подписи не было. Эти сообщения были от 22, 23 и 24-го октября 1839-го года, несколькими днями позже ареста Бланки. Они давали подробности о положении тайных обществ этого времени. Бланки, как на автора.

Правда, сами же полицейские, пробравшись в Общество Времен Года могли доставить такие сведения и Барбес в день появления этого документа заявил, что «ничего не было бы легче, как сфабриковать такую чепуху». Но нельзя было обманываться—указывалось на Бланки. «На меня указано, — писал он сам, — так же ясно, как если бы мое имя было произнесено, хотя этого и не было».

В тот же день Бланки протестовал двумя письмами в Судебной Газете (*Gazette des Tribunaux*) и в Журнале Прений (*Journal des Débats*).

Вечером в своем клубе, куда собралась громадная толпа, он заявил, что намерен бороться против напечатанного документа.

14-го апреля появилась его защитительная речь в виде плаката и листовки. Бланки спрашивает, как можно доверять подобному документу, без подписи, написанному не его стилем и за подлинность которого не дано никакого ручательства. Он видит в одном месте ясный след подделки в неожиданной замене первого лица—третьим. Указывает на грубые ошибки в фактах и подробностях. С какою целью давал бы он эти показания тогда, когда жизнь его не была более в опасности, как 22, 23 и 24-го октября 1839-го года? Бланки напоминает, что в комитет Общества Времен Года втерлись полицейский и будущий королевский прокурор. Он доказывает, что документ был сфабрикован после 17-го марта, обрушивается на членов временного правительства, которые хотят свалить «неутомимого борца» и кончает вызовом: «лицедеи, вы—труссы!».

Даже те, которые были не удовлетворены по существу ответом Бланки, хвалят его стиль «нервный и гордый, презрительный, высокомерный, полный негодования, гнева и слез». И действительно, читая его, нельзя не быть тронутым до самой глубины души. Сердце сжимается, особенно когда придаешь ему его настоящее значение, припоминая, что человек, писавший его, только что вышел из тюрьмы и не замедлит опять в нее вернуться.

Но какова бы ни была яркость ответа, он далеко не удовлетворил всех тех, которые хотели знать. Друзья Бланки, конечно, не усомнились в нем, и это доказывают

пятьдесят подписей, которые фигурируют под ответом. Другие видели в обвинении, брошенном против Бланки, один из обычных приемов кампании, которую без зазрения совести вели враги социализма, чтоб очернить противников. Не представляли ли рабочего Альбера—миллионером, а Луи Блана—собственником С.-Жерменского квартала? ¹ Для Бланки придумали другое: вот и все.

Но Барбес, мнение которого в данном случае имело большой вес, полагал, что документ был составлен под диктовку Бланки и прибавлял: «У Бланки нет мужества, он дал показания, чтоб спасти свою голову!»

Он решительно выступил против Бланки на собрании клуба, в котором было принято решение передать разбор этого дела третейскому суду.

Разные клубы присоединились к этому предложению; создалась комиссия из сорока членов. Под председательством Этьена Араго, эта комиссия насчитывала в своей среде таких людей, как Кабе, Прудон, Лашанбоди, Шелхер. Она попросила министерство внутренних дел сообщить ей дело Бланки и получила его. В течение очень большого числа заседаний, она выслушала всех лиц, способных дать разъяснение. Кроме того, она поручила четырем выборным от клуба Бланки присутствовать на следствии. Бланки со своей стороны был призван для объяснения.

Оригинал обвинительного документа не мог быть представлен. Были собраны интересные показания, но следствие закончено не было в виду развернувшихся событий дня. Известно только, что докладчик Прудон предлагал компромиссную резолюцию, тогда как почти все члены суда разделяли мнение Барбеса, если верить по крайней мере Даниэлю Стерн (г-жа Агу).

Ташеро, названный Бланки «наемным, презренным фальсификатором», «фабрикантом фальшивых документов», подал жалобу на Бланки с обвинением в диффамации. По постановлению палаты от 18-го июля 1848-го года, Бланки был предан суду, как диффаматор. На этот раз следствие достигло по крайней мере одного.

¹ Богатый, аристократический квартал Парижа. Прим. пер.

Оно установило, что документ был действительно от 1839-го года и что Бланки имел тогда сношение с Дюшателем, министром внутренних дел.

Дюфор, бывший министром общественных работ в 1839-м году объявил: «Я хорошо помню, что вышеупомянутый Бланки, как нам было доложено в совете, после своего ареста выразил желание войти в сношение с одним из членов правительства.

«Эта миссия была поручена министру внутренних дел, Дюшателю. Он два или три ездил в тюрьму, где содержался вышеупомянутый Бланки. Г-н министр не давал нам подробного отчета о показаниях Бланки, но мы знали что они были важны, так как открывали организацию тайных обществ».

Показание канцлера Паскье, министра финансов Пасси, обер-прокурора Франк-Карре и де-ла-Шовиньера были не менее определенны. Если их сличить с выдержками из дневника Каstellана (Journal du maréchal de Costellane) 7-го декабря 1861-го г. и «Интимных воспоминаний барона Моннье» (Souvenirs intimes du baron Monnier) 8-го ноября 1839-го года, то сомнения, кажется, быть не может.

По толкованию некоторых участников суда чести, Бланки, чтобы получить помилование после 12-го мая, продиктовал это показание своей жене, а она — согласно условиям, принятым Дюшателем — несколько раз сама отправлялась к министру для чтения его, уничтожая каждый раз прочитанные листки. Стенограф, спрятавшийся за занавесью, записывал все, что читала г-жа Бланки. Это толкование, как видно, отличается от предыдущих только в степени; оно допускает существование сношений Бланки с Дюшателем, но только при посредстве третьего лица.

Из показаний, благоприятных Бланки, мы только для памяти приведем то, которое сообщил его защитник и друг — Дюпон-де-Бюссак, потому что оно противоречит другим показаниям по вопросу об опасности, которой подвергался Бланки в то время, к которому относятся документы Ташеро и кроме того, никоим образом не уничтожает внушительного собрания вышеприведенных показаний. Гипотеза не-

которых друзей Бланки, что жена сделала показания без его ведома, конечно, правдоподобна. Но что значит эта гипотеза рядом с формальными утверждениями на процессе Ташеро? Иное значение имеет показание бывшего префекта полиции Виктора Бутона, по которому раппорт, напечатанный Ташеро, был составлен в префектуре полиции для надобностей процесса 12-го мая, по повседневному записям шпиона, который следил за Бланки и Барбесом и разделял с ними честь управления тайными обществами Ламьессена. В письме к матери Бланки Виктор Бутон упоминает об этом показании. К несчастью, утверждения Виктора Бутона заслуживают только весьма относительного внимания. Его рассказ — вероятен, но опять-таки чего он стоит по сравнению с согласными показаниями и утверждениями, устанавливающими существование отношений между Дюшателем и Бланки в 1839-ом году? Так как эти отношения составляют узел обвинения, то почему Бланки не говорит об них в своем «Ответе»? Почему он не прибегнул к свидетельству Дюшателя, который в 1848-ом году был послом в Лондоне и потому не мог дать показаний в процессе Ташеро, но умер он только в 1867 году и мог бы снять с Бланки всякое обвинение? Если судить по тому, что известно относительно его характера, то он не отказался бы сделать это, если бы мог. Больше того, все заставляет думать, что если бы его бывшие сослуживцы Дюфор и Пасси погрешили против истины, он по своему собственному почину восстановил бы ее.

Нужно отметить одно; и это поражает, как Бланки, такой мужественный всегда, казалось, избегает споров о документе Ташеро. В своем клубе вечером 31-го марта 1848-го года, он не произнес слов, которых от него ждали. Его от в ет скорее нападение, чем защита, и он заставил себя немного слишком долго ждать, — как это отметил Распайль Бланки, наконец, отказался предстать перед судом комиссии клубов, говоря, что он не может согласиться на суд, составленный из врагов. Позже в Бурже, где представлялся хороший случай завоевать общественное мнение, он сказал только: «этот инцидент будет разрешен в другом месте». В Бель-Иле, в противоположность тому, что говорит Густав

которая носила и питала рабочих, потом которых откармливаются буржуа!.. Женщины народа стоят ваших, и их кровь не должна, не может остаться неотомщенной!»

4-го мая происходило открытие учредительного собрания. На этот раз стало очевидным для всех истинных демократов и социалистов, что Бланки был прав. Всеобщее избирательное право показало, что он вовсе не обладает тем магическим свойством, которое ему приписывали; учредительное собрание является как раз тормозом революции. Закрепленная законом буржуазная республика еще с большей жестокостью отбросит требования пролетариата.

15-го мая последний попытался было отвоевать свое революционное влияние, но ему удается только, по словам Карла Маркса, «доставить в тюрьмы буржуазии своих самых энергичных вождей». Под предлогом сочувствия к положению Польши, громадная демонстрация развертывается от Бастилии до площади Согласия. Национальное собрание занято толпой. Распайль говорит с трибуны, Бланки также; за страждущим польским народом он указывает и на рабочий народ Франции. Он хладнокровно ставит социальный вопрос перед этим буржуазным собранием, которое не переносит «диких фантазий» пролетариев. Шум растет. Являются войска. День пропал. Произведены многочисленные аресты.

Бланки укрывается в Мезон-Лаффите и при первой возможности возвращается в Париж; в продолжение одиннадцати дней ему удается проводить полицию, но в конце концов он взят и брошен в тюрьму Венсенского замка. Через месяц, в июньские дни, буржуазия потопила в крови парижских пролетариев революционный социализм. Бланки, находящийся так близко от места восстания,—в оковах, бессилён помочь своими советами восставшим социальной революции. Его заключение затягивается. Он страдает.

Осадное положение и высылки делают революционный Париж немым в продолжение двух долгих месяцев. Но в сентябре, во время частичных выборов в национальное собрание, сдерживаемые страсти просыпаются. Социалисты вотируют сообща за Кабе, Распайля и Торе. Горячая борьба делается ожесточенной, когда маршал Бюжо,

побуждаемый реакцией, вступает в дело. Пятнадцатого сентября из Венсенской тюрьмы Бланки бросает крик тревоги. Он раскрывает чудовищный план реакции, которая стремится обезлюдить и терроризировать столицу. Он старается успокоить и привлечь на свою сторону торговцев, мелких собственников, связанных с рабочими «солидарностью существования». Он рисует мрачную картину участи, которая ждет средний класс, если он открыто не пристанет к рабочему классу, чтоб обеспечить ему победу». Этот язык—решительный, веский, прямой—заставляет призадуматься. Распайль выбран.

Наступает декабрь 1848-го года, срок выборов президента Республики. Несколько «рабочих социалистов»: Паже, Огюст Сальер, Жибо, Легре, Морель, Кастанье, к которым присоединяются Прудон и Пьер-Дюпон,—открыто выступают против публицистов, которые пытаются нажать капитал на демократических идеях, против «паразитов, которые видят в социализме удобную для эксплуатации почву». Они отделяются от Ледрю-Роллена, кандидата в президенты, и, обращаясь с вызовом к «любителям формы», смело поднимают знамя революционного социализма. Один из них делегируется в Венсенскую тюрьму. Он сообщает Бланки о чувствах, которые одушевляют его товарищей и заверяет заключенного в преданности рабочих, «несмотря на клевету, которой старались очернить его жизнь». Бланки горячо отвечает и посылает для банкета 3 декабря тост, который составляет, несомненно, одну из лучших страниц, вышедших из под его живого пера. Как и приведенная выше прокламация 15-го сентября 1848-го года, он не был известен до сих пор: пополним же этот пробел.

Это захватывающая параллель между Горой 93 года и 48 вся—к чести первой. Не то, чтобы в глазах Бланки Гора 93 года не имела недостатков: «она не знала тех позитивных теорий, которые возникают только медленно из старого анализа социального тела, как искусство лечения рождается из изучения анатомии». Но если они еще не были знакомы с «наукой созидательной», то сердечный порыв диктовал им бессмертные формулы, которые в широком толковании «содержат в зародыше все развитие буду-

резким голосом, пронзительным, свистящим, металлическим и все же глухим, как звуки там-тама», голосом, который «сообщает лихорадку» слушателям, когда он разбирает обвинение своим саркастическим умом и со своей обычной иронией, когда он забрасывает своих врагов отточенными стрелами, когда он преследует свидетелей и припирает их к стене, когда он объясняет, как бы его друзья и он—практики восстания—взялись за дело 15-го мая, если-б действительно хотели ниспровергнуть Собрание, как это предполагает обвинение,—тогда отдаешь себе отчет, почему буржуазия сосредоточивает свою ненависть к коммунизму на этой маленькой седой голове. Ледрю-Роллен признался, впрочем, на процессе что в 48 году Бланки доставлял его коллегам во временном правительстве и ему самому «постоянные беспокойства». Один журнал, описывая обвиняемых, мог найти по адресу Бланки только следующие простые и страшно лаконические слова: «Ах! отвернемся от этого лица, которое не имеет ничего человеческого».

На последнем заседании процесса произошла тяжелая сцена. Бланки намекнул на документ Ташеро, сказав, что этот документ был сфабрикован в совете временного правительства; Барбес перебил его; поднялся спор между обоими обвиняемыми. Заседание кончилось целой серией приговоров. Бланки, присужденный к 10 годам заключения, был направлен в Дуллен. Он оставался год и семь месяцев в старой крепости, поверяя бумаге свои воспоминания о деятелях 48 года, а именно, о Ледрю-Роллене, Луи Блане и Коссидиере,—все трое были уже изгнанниками тогда. Настало время, когда Луи Наполеон, избранный в президенты республики, стал готовить втихомолку империю, когда преследования республиканцев удвоились, главным образом преследования против журналистов и преподавателей, когда Марксу было предложено отправиться в ссылку в Морбиган¹ или оставить Францию.

В Дуллени товарищами Бланки по заключению были Распайль, Собрисе, а также Барбес, в противность утверждениям

¹ Главный город Морбиганского департамента, составляющего часть Бретани.

Прим. пер.

Густава Жоффруа. Преследования, которые свирепствуют вне тюрьмы, отзываются и здесь. 25-го октября 1849-го года «Солидарность»—журнал Фамберто—пишет, что Бланки приходится переносить дикую злобу своих тюремщиков, и от него отбирают его записи.

Из Дуллена Бланки переводится в дом заключения в Бель-Иль, где его приезд—событие для политических заключенных. Старая ненависть между Барбесом и Бланки проявляется снова. Образуются два лагеря. Одно время было ожидать, что серьезный разбор дела перед всеми политическими заключенными прояснит небо, покрытое облаками. Но он не осуществился. Бланки удалось, впрочем, сгруппировать вокруг себя большинство заключенных, главным образом рабочих, которые посещали и иногда в довольно большом числе его курс политической экономии.

Неладья между всеми этими побежденными прекращались только в часы общих сборищ в память какого-нибудь великого события или на похоронах одного из товарищей, когда затягивали революционный гимн под кое-как состряпанным красным знаменем.

В этой тюрьме, более гостеприимной, чем тюрьма на скале С.-Мишель, Бланки более семи лет не переставал учиться. Жажда знания его не покидает. Политика, философия, политическая экономия, естественные науки, история, особенно география—заполняют эти дни вынужденного отдыха. Он очень много пишет по разным предметам. Помышляет также и о бегстве.

5-го апреля 1853 года две куклы, тайно сфабрикованные, заманяют Бланки и его друга Казавана в их камеру Бегут. Ждут под проливным дождем, перелезают стену, бегут по полю, скрываются у крестьянина в ожидании отъезда на лодке...

Измена! Бланки брошен в in расе¹ замка Фуке, откуда он все-таки возвращен опять в отделение политических, но под более строгим надзором. 1-го декабря 1857-го года с тридцатью одним товарищем, между прочими и Делеклюзом, Бланки сажают на «Танжер», и дней через пятнадцать они

¹ In расе—тюрьма для пожизненных заключенных.

в виду Аяччио (на Корсике). Три дня стоят они в гавани, наконец, судно причаливает. Из Аяччио отряд заключенных направляется в Корте, где многочисленная толпа встречает его приветствиями. Двери тюрьмы снова закрываются. Бланки должен опять лихорадочно сгорать в четырех стенах.

Какое странное совпадение: Буонаротти сражался в этом старом городе; старший брат Бланки, Адольф, посетил эту тюрьму и обозвал ее «позором человечества». Бланки проводит шестнадцать месяцев в этом застенке—душном летом, сыром зимой.—Он вышел из него, чтоб попасть опять в марсельскую тюрьму, откуда был отправлен на поселение в Маскара.

Освобожденный по амнистии 16-го августа 1859-го года, он возвращается во Францию. Его заключают в Тулон и ему грозит высылка в Кайенну. Но, наконец, он свободен!

От амнистии 1859-го года до войны 1870-го г.

Бланки в Париже. Увы! Вслед за братом Адольфом умерла и его мужественная мать, которая умела так хорошо его понять и ему помочь. Его сын, воспитанный вдали от него и восстановленный против него, не находит ничего лучшего предложить ему—в доказательство сыновней любви,—как сытую жизнь мелкого собственника, под условием полного отказа от борьбы. Бланки отвергает нелепое предложение этого чужого человека, которому пристало разве только командовать пожарными в каком-нибудь провинциальном городке. К счастью, сестры, всегда ему преданные, еще живы.

Он покидает их, чтобы ехать в Лондон, где собрались эмигранты, социалисты и революционеры всех национальностей. Там, между прочим, Луи-Блан, Маркс, Феликс Пиа, Вильгельм Либкнехт, Эскирос. Первые два ревностно черпают из сокровищницы Британского Музея,—один для своей «Истории Французской революции», другой—для «Капитала».

Отправляясь в Лондон, думал ли Бланки обсудить какие-нибудь проекты со своими друзьями—Лакамбром и Бартеlemi? Быть может, видится он с Луи Бланом? Нет. Встре-

чается ли он с Марксом? Неизвестно. Вообще этот период его жизни очень малоизвестен.

Вернувшись в Париж, чем другим может заняться Бланки, как не своей обычной деятельностью, подпольной, конечно, при господствующей строгости императорского ига? В столице можно еще встретить ветеранов 1830 и 1848 годов, партизанов социального переворота; есть и студенты, находящиеся под влиянием новых научных теорий и начинающие интересоваться—это добрый знак—революционной историей. Главное—есть рабочие, которые с развитием промышленности концентрируются все большими массами. Есть пролетариат, который, конечно, предается благодушным иллюзиям взаимопомощи и кооперации, но который начинает сознавать свою силу и доказывает это, сплываясь все чаще. Бланки видит все это и просит молодого Ранка помочь ему в воссоздании революционной партии. Он наталкивается на отказ. Не все-ли равно? Он найдет других помощников.

Бланки считает выпуск революционного листка против Империи необходимым условием успеха. Он заготавливает собственноручно 25 000 адресов для рассылки первых номеров. Покупает семь печатных станков, которые прячет у друзей. Сам он скрывается—то у своей сестры m-me Антуан, то в нанятой им комнате на улице Фигье С.-Поль, а чаще всего у одного аптекаря в предместьи С. Дени, жена которого—писательница Камила Биá. Трактаты, брошюры пускаются в ход. Полиция сбивается с ног, охотясь за Бланки, несколько раз он от нее ускользает. Узнанный, однако, на похоронах Косидьера, он предан одним из бывших друзей Феликса Пиá. Его арестовывают под предлогом принадлежности к тайному обществу. Он и несколько товарищей должны предстать пред судом полиции (tribunal correctionnel). Бланки приговорен к четырем годам тюрьмы (июнь 1861-го г.) и посажен в С. Пелажи, где он уже два раза сидел—лет тридцать тому назад.

Эти годы тюрьмы в самом Париже и сближение с различными жертвами Империи позволяют ему создать интеллигентские кадры того, что принято называть партией бланкистов. При подобных же обстоятельствах создатель

ядро равных в 1795 году—сближением революционеров всех течений в термидорских тюрьмах.

Один за другим или одновременно побывали в С. Пелажи: Эмиль Вилльнёв, Вашеро, Катюлл Мендес, Жюль Мио, Толь, Герман Касс, Сервен, Верморель, Эжен Пеллтан, Л. Пишá. Несмотря на свои сдержанные манеры, свое обычное недоверие, Бланки, мученик «за а к л ю ч е н н ы й», неотразимо привлекал молодежь, которая с уважением прозвала его «Стариком» (le Vieux). Наиболее пылкие стремились к нему, буквально упивались его речами, передавали его учение своим друзьям и знакомым, главным образом, студентам, молодым адвокатам, докторам. И таким образом, Бланки удавалось завербовать помощников и приверженцев не только среди революционеров и рабочих, как когда-то, но даже среди школьной молодежи. Как в тюрьме С. Пелажи, так и в Неккеровском госпитале, куда он переведен по болезни, Бланки встречался, помимо вышеупомянутых лиц, еще с братьями Левро, с Прото, Жакларом, Шарлем Лонгé, Рожаром, Клемансо и Густавом Тридоном, автором «Гебертистов», который делается его любимым учеником. Вскоре студенты бланкисты основывают журнал «Кандид», выходящий два раза в месяц и посвященный критике, философии и вообще научным вопросам. Главным редактором был Тридон. Бланки сотрудничал в нем под псевдонимом Сюзамель (составленным из имен его жены; Сюзанна-Амалия). После восьми номеров—журнал был запрещен и его сотрудники арестованы или подвергнуты штрафу за то, что писали по экономическим вопросам без представления денежного залога, как требовалось законом.

В воскресенье 27-го августа 1865-го года Бланки с острой бородой, в белокуром парике, воспользовавшись большим наплывом посетителей, бежал из Неккеровского госпиталя. На следующий день он был в Брюсселе. Он жил там более чем скромно, как всегда по необходимости собственноручно штопал и шил, питался вареными овощами, плодами и водой, имея всего на всего 400 франков в год на жизнь.

В Брюсселе посещали его те из французских студентов, которые знали его и которые с'ехали на конгресс сту-

дентов в Льеже. Тридон, также участник конгресса, воспользовался случаем, чтобы навестить своего учителя и представить ему двух своих друзей: Альберта Реньярда, будущего переводчика Бюхнера, и Поля Лафарга, одного из будущих основателей французской Рабочей Партии. Позже Шарль Лонге и Рожар поселились в Брюсселе, чтоб избежать тюрьмы и продолжать издание газеты «Левый берег». Бланки с ними виделся. Это было время, когда Лонге перевел и напечатал на французском языке знаменитый учредительный адрес интернациональной ассоциации рабочих—написанный Марксом.

В том же 1866-м году Бланки отправился в Женеву, где должен был собраться первый Конгресс Интернационала. Бланкисты должны были принимать в нем участие, чтоб указать на уклон, который испытывал социализм благодаря обществам взаимопомощи и кооперации. Но Бланки передал своим парижским друзьям распоряжение—воздержаться. Трое из них обошли указание всжда и отправились в Женеву. Из-за этого начались подразделения среди бланкистов. Парижская полиция разрешила этот конфликт по своему, арестовав всех воинствующих бланкистов.

В Брюсселе, как раньше, так и после женевского конгресса, Бланки не сставался, понятно, без дела. Он переписывался со своими приверженцами: Тридоном, Жакларом, Эдом, Гранже, Жентоном, Дювалем, живущими в Париже, давая точные инструкции и частые советы.

В силу быстрого распространения бланкизма среди рабочих предместий и студентов Латинского квартала, не замедлил возникнуть вопрос о формах организации. Как быть?

Организовываться в тайные общества, следуя приемам, прилагаемым раньше? Об этом нечего было и думать—полицейские сети были слишком тесны. Решено было создавать группы из десяти членов, не знакомых друг с другом, вождь которых один входил в сношения, чисто устные, с руководителями движения. Таким образом, опасность шпионства была сведена к минимуму и в то же время—по первому сигналу, переданному устно, все соучастники могли быть собраны в одном месте. Это была в сущности орга-

низация, которая, очевидно, вдохновлялась декуриями и центуриями, созданными Буонаротти в 1814 году. Надо прибавить, что помимо этой боевой организации, создаваемой по строгому выбору, существовала более обширная организация, во главе которой находился Эд и Реньярд, которая занималась научной разработкой различных вопросов и находилась под непосредственным и сильным влиянием бланкизма.

Во время своих частых посещений и даже продолжительных пребываний в Париже, Бланки производил незаметно смотр своим боевым отрядам. В них насчитывалось около 2 500 человек, но это число сильно упало, когда подан был сигнал к действию—14 августа 1870-го года.

От войны 1870-го года до кончины.

Франко-прусская война еще только начиналась, а поражения следовали за поражениями. Бланки был поспешно вызван друзьями из Брюсселя. Нарастало громадное недовольство. Толчок мог бы ниспровергнуть Империю. Левые, целиком занятые своими парламентскими делами, не имели мужества выступить. По выражению Кремье, они ждали «еще нового поражения». Бланкисты должны были действовать вместо них. За двадцать дней до 4-го сентября они уже пробовали поднять восстание. Бланки не считал все-таки, что момент выбран удачно. Но его убедили, что предместья готовы; он поверил и вернее следовал за движением, чем управлял им. В воскресенье 14-го августа пополудни группы бланкистов собрались на бульваре Ла-Виллетт близости Ротонды. Потом внезапным нападением были заняты ближайшие пожарные казармы, которые, несмотря на подоспевшую полицию, остались в руках восставших, при чем один городской был убит и один человек ранен. Тем не менее в этом революционном квартале и даже на бульваре Бельвилль восстание не завербовало ни одного человека, потому что население, хорошо выдрессированное, видело всюду шпионов и провокаторов. Дело было проиграно.

Так как Париж находился на осадном положении, то арестованные Эд и Бридо были поспешно судимы и приго-

ворены к смерти. Бланки не нашли. Падение Империи тремя неделями позже должно было вернуть всем трем свободу.

В бурный день 4-го сентября бланкисты, рассеянные по-всюду, не могли играть первенствующей роли. Некоторым из них, тем не менее, удалось проникнуть в залу заседаний законодательного собрания и об'явить именем народа низвержение Империи и провозглашение Республики.

Вечером Бланки и его друзья собрались, и в принципе было решено основать клуб и журнал. Программа, оповещенная афишами и воспроизведенная в передовице 1-го номера «Отечество в опасности», излагает линию по ведению, избранную бланкистами. Программа, написанная Бланки и подписанная девятнадцатью именами, говорит определенно, что в присутствии врага не может существовать более ни партий, ни фракций. Правительство 4-го сентября является выразителем «народной мысли и национальной обороны»; «всякая оппозиция, всякое противодействие должны исчезнуть «во имя всеобщего спасения», «существует только» один враг—пруссак и его единомышленники, «приверженцы падшей династии»; поэтому бланкисты предлагали временному правительству свое «энергичное» и «полное» содействие с условием, впрочем, сохранения Республики и отказа от «унизительного и разорительного мира». Это была в сущности патриотическая и республиканская декларация, стоящая твердо за «священное единство».

Конечно, Бланки знал деятелей 4-го сентября, знал их за врагов народа, за болтунов крикунов и недостаточно активных людей. Но эти люди заседали в правительстве только временно и главное—дали клятву спасти республиканскую Францию. В виду важности момента, Бланки не считал возможным отказывать им в своем доверии и честно предложил свои услуги. Надо заметить, что старый революционер был патриотом. Для него Франция была колыбелью революций, Париж — «матерью городов», немецкое нашествие — «нападением варваров», «полчищ V-го века», еще раз наводнивших Галлию, «чтоб поглотить современную цивилизацию и восстановить всю аристократию». «Чем мы

будем завтра,—писал он 8-го сентября,—если у нас нет более отечества?» И он призывал страну на смертный бой за то, «что составляет жизнь, дыхание всех, за лучшее проявление человеческого существа—за отечество».

До 4-го сентября Бланки отказывался помогать «правительству, которое изменяло народу». Но после торжества народного восстания—не Бонапарту, а нарождающейся Республике грозили немецкие войска. Это изменяло в глазах Бланки характер войны. Маркс, Интернационал, Центральный Комитет немецкой социалистической рабочей партии, Бакунин и почти все революционеры того времени были того же мнения. Энгельс, по словам Ранка, передал даже правительству национальной обороны план организации и военных действий. Не надо удивляться поведению Бланки.

Тем не менее кажется, что Бланки не во имя одного только патриотизма и идеализма становится на почву национальной обороны. Настоятельно требуя всеобщего народного вооружения, не думает ли он доставить пролетариату социальную гарантию? Конечно, он формально не высказывает этой мысли, но она невольно приходит в голову, принимая во внимание, с одной стороны, его твердое убеждение относительно необходимости народного вооружения, а с другой—слова Вальяна в феврале 1881 года. Как бы то ни было, но начиная с 7-го сентября, ежедневно в статьях, замечательных по ясности и точности, Бланки старался направить правительство на путь продолжения войны и лучше всякого генерала указывал путь, каким следовало идти. Все его знания по истории и по военному делу, вся философия и наука, которые он накопил в продолжение многих лет тюрьмы, проявились теперь. И к великому удивлению реакционеров и изумлению буржуа, выявился Бланки, который совсем оказался не «маньяком революции», каким рисовала его легенда и как писали о нем газеты, а великим государственным деятелем—«мастером политики», владеющим в совершенстве всеми своими способностями, несмотря на свои шестьдесят пять лет и на двадцать два года тюремного заключения.

В своем клубе он каждый вечер разбирал положение, отмечал ошибки правительства, указывал насущные надобности, то горячо, искренно, добродушно, то гневно и саркастически, но всегда с удивительной прозорливостью и знанием. Он заставлял своих политических противников слушать его с уважением, так что один из сотрудников реакционного Журнала де Деба не мог не воскликнуть: «Да, он прав! Все это правда, но как жаль, что это говорит Бланки!». Ж. Ж. Вейс, другой очень консервативный сотрудник той же газеты, так определяет деятельность Бланки в это тяжелое время: «С 4-го сентября по 9-ое октября, когда еще не было поздно, он сделал все предостережения, даже по военной части, которые—если б их послушались—могли бы спасти; он с начала осады предсказал катастрофу и причины, которые к ней поведут..»

Тем не менее, вне маленького круга приверженцев и несмотря на то, что его убеждения соответствовали народным стремлениям, мысли Бланки не находили широкого распространения среди парижского населения. В его клубе бывало мало народа, его газета мало читалась. Ему необходимо было завоевать то влияние, которое он заслуживал, чтобы осуществить следующие меры: постройку баррикад и траншей, передачу церковей на национальные надобности, вооружение священников и, следовательно, прекращение церковной службы, принудительный набор, учет всех продуктов и выдача пайков, распускание полиции, арест подозрительных лиц и бонапартистов.

В Монмартре на собрании, на котором присутствовало тысяча пятьсот национальных гвардейцев, Бланки выступил с речью. Это было откровением для всех этих людей, не знавших его раньше, и он единогласно был выбран командиром 169-го батальона. Это позволило ему расширить свое поле действия.

Бланки быстро постиг смысл инертности и оптимизма правительственных сфер, он анализировал и понял предательский язык официальной прессы. Он доказал, что противодействие врагу было только кажущимся, «существовало только на поверхности, что правительство разыгрывало комедию войны» и, вместо того, чтобы оставаться горделиво

на почве национальной обороны до конца, оно завязло в болоте соглашений и торгашества. Тогда, свободный от всяких обязательств, Бланки стал открыто бороться с этой «бледной подделкой Империи», которая больше «боится революции, чем Пруссии», и принимает меры «против Парижа прежде, чем принять их против Вильгельма».

Мы подошли к моменту, когда парижане начинают терять терпение. Распространяются петиции. Начинается период волнений, который закончится восстанием 18-го марта. Бланки делается опасным. На него нападает «Век» (le Siècle). Сеют против него клевету. Изображают его распространителем тревожных слухов. Называют пруссаком.

«Отечество в опасности» приостановлено на три дня, сотрудники его подвергаются нападениям. 8-го октября в городской ратуше даже раздаются крики: «долгой Бланки!» Трошо, который хочет отнять у Бланки всякую возможность действия, распускает кадры офицеров 169-го батальона, и, благодаря распространяемой клевете, Бланки не выбран вновь.

Он тем не менее продолжает борьбу. Наступает дело 31-го октября, на другой день после капитуляции Метца. Батальоны национальной гвардии овладевают городской ратушей и арестовывают правительство. Учреждается временный комитет с миссией приступить к выборам в Коммуну. Указывают на Бланки. Но Флуранс, который взял на себя военное предводительство, попадает в руки бретонских добровольцев, и восстание гибнет.

В силу соглашения между восставшими и правительством, на минуту свергнутый Бланки свободен. Его не смеют арестовать.

Он укрывается у Леонса Левро. Там он пишет свои ежедневные передовицы в «Отечестве в опасности», упорствуя в своей оппозиции, требуя настоятельно вооружения и наступления и доказывая, что буржуазия хочет мира только для того, чтобы сохранить свое общественное господство. Но за недостатком средств его газета перестает выходить. Голос старого бойца замолкает.

После 21-го и 22-го января 1871 го года, после перемирия—подписанного 28-го,—назначены выборы на 8-ое февраля.

Еще раз выявляются злопамятство и невежество. Бланки, несмотря на усилия своих друзей, вычеркнут из списка 43-х лиц, выработанного клубами, комитетами и журналами. Он тем не менее получает 52.389 голосов из 328.970 вотирующих.

С большой душой и уязвленным сердцем—что он делает? Он отправляется в Бордо узнать о положении дел. Но слишком хорошо зная, как плетутся легенды и создаются ответственности, он до отъезда еще раз развешивает перед глазами парижской публики печальный итог деятельности правительства Национальной Обороны, еще раз в общих чертах пересчитывает то, «что не было, но должно было быть сделано».

Этот плакат в восемь столбцов, дополнение к газете «Отечество в опасности», скромно называется «Последнее Слово». Он подписан 12-м февраля.

9-го марта 4-й военный трибунал судит заочно Бланки за участие его в восстании 31-го октября и приговаривает к смерти. Эта новость доходит до него в Лувле близ Бретену (Лотский департамент), у его племянника доктора Лакамбра, где он рассчитывал немного отдохнуть и поглотиться. По распоряжению правительства, его, несмотря на болезнь, арестуют в постели и отвезут в госпиталь в Фижак. На следующий день, 18-го марта над городской ратушей Парижа развевалось красное знамя, и рабочий класс столицы захватил власть.

Правительство Тьера держало Бланки в своих руках, оно более его не выпускало. Из Фижака перевели его в Кагорскую тюрьму, где он содержался в самой строгой изоляции, и даже его родные не могли «ни видеть, ни писать ему, ни получать от него ни одного слова». В это время в Париже его приверженцы взвешивали неисчислимые выгоды, которые доставило бы его присутствие. Гранже поехал разыскивать его, но тщетно пытался проникнуть к нему.

26-го марта Бланки был выбран членом Коммуны в 18-м районе 14.953 голосами и одновременно и в Бельвилле. Многие из его приверженцев, правоверные блан-

кисты, умеренные бланкисты или третьестепенные бланкисты были выбраны вместе с ним.

Более чем когда-нибудь было важно освободить великого революционера. Как быть? Тридон поддал мысль обменять заложников Тьера на заложников Коммуны. Эта мысль была принята. Начались переговоры, которые тянулись более месяца. Они натолкнулись на отказ главы исполнительной власти.

«У этого человека нет сердца!»—воскликнул аббат Дегерри по возвращении Флотта в Мазас, и архиепископ согласился с ним. При переговорах можно было убедиться, как мало значило для главного викария Парижа—аббата Лагарда—уважение данному слову и законы дружбы.

21-го мая 1871-го года версальцы вступили в Париж, и кровавая неделя началась. Коммуна была побеждена. Безбоязненно можно было отвести Бланки в замок Торо близ Морлэ, где комендант брестской дивизии уже принял все предосторожности, чтобы встретить «важного по литического заключенного».

Он высадился 24-го мая рано утром, когда зловещее зарево пожаров освещало Париж.

На этой дикой скале, которую гложет морская волна, снова потянулась для Бланки тюремная жизнь—в продолжение пяти месяцев и восемнадцати дней, в холодной, сырой и почти темной камере. Были приняты многочисленные меры предосторожности, чтобы предупредить всякую попытку бегства. Два судна сторожили окрестности. Письменным приказом строжайше повелевалось коменданту крепости стрелять в Бланки при малейшей попытке к освобождению и даже расстрелять его, если будут пытаться его увезти. Было запрещено рыбацким лодкам приближаться к скале. Только парусное судно «Надежда» местного порта, снабжавшее крепость съестными припасами, имело право причаливать. Ежедневная прогулка пленника по платформе крепости окружалась удвоенными предосторожностями: всякий мост поднимался, стража была на посту, солдат с саблей наголо, дежурный надзиратель и тюремщик следили за старцем.

Эти исключительные меры строгости в мрачном убежище деспотизма не мешали Бланки—всегда мужественному—думать, размышлять, проявлять себя. В этой тюрьме он написал свою «Вечность по звездам». Из двойственной бесконечности—времени и пространства—он выводит материалистическую теорию мировых судеб, которую он излагает, как поэт и ученый.

12-го ноября 1871 года в темную ночь, в проливной дождь Бланки отвозят в версальскую тюрьму, для предстоящего суда по новым обвинениям. Он остается там довольно долго и ему удается видеть сестер и передать в Академию Наук мемуар о зодиакальном свете. Два раза он вызывается в военный суд по обвинению в самых разнообразных преступлениях, между прочим в моральном (?) участии в Коммуне.

Он приговорен к ссылке с лишением гражданских прав. Хватит ли смелости сослать этого старца в Новую Каледонию? Консультация врачей высказывается против. Бланки направлен в центральную тюрьму в Клерво.

Ему предоставлена келья—тесная до смешного. Она скоро вся заполняется книгами и бумагами. Сто сорок политических заключенных за участие в Коммуне, содержатся там же, между прочим—Пейрутон, Фонтен, Люлье, но Бланки их не видит, а стража нема. Прогулка по общему двору производится по очереди. Это полное одиночество. Но вскоре небольшое углубление в стене, окружающей двор, превращается в почтовый ящик. Создаются частые сообщения между Бланки и Люлье, но вскоре последний, после неудачной попытки к бегству, лишен прогулок и переведен в Тулон.

Зимой камера не отапливается, и Бланки очень страдает от холода. Его сестры просят позволения доставить ему железную печку. Но потребовалось несколько лет для того, чтоб уговорить администрацию принять этот дар.

Вследствие очень серьезной болезни, старый революционер переведен в другое отделение, где позже содержался Кропоткин. Там помещение немного лучше, но все-таки он содержится в самой строгой изоляции. «Я похоронен заживо»—пишет он своей сестре.

В 1877 году его здоровье еще ухудшается. Смерть его караулит, но он еще не поддается. Подготавливается кампания в пользу его амнистии. В Париже собираются собрания, в провинции предлагается его кандидатура в депутаты. По всей стране пробегает волна горячей симпатии к «заключенному». Габриэль Девилль в своей «Французской Революции», в основательной брошюре, излагает жизнь этого апостола и мученика. Петиции, адреса направляются в Клерво. Наконец, Бланки выбран депутатом в Бордо 20-го апреля 1879-го года. Несмотря на защиту Клемансо, выборы признаются недействительными, но по амнистии 10-го июня 1879-го года Бланки освобождается. Его опять привлекает Париж. Он встречается там с родными, друзьями, а потом спешит в Бордо, где начинается выборная борьба. Его горячо приветствуют, но противники поднимают снова обвинение 1848 года, напоминают документ Ташеро и с яростью преследуют этого старца, только что вышедшего из тюрьмы. В выборах он побит 156-ю голосами.

Эта неудача не только не побеждает его настойчивости но усиливает ее. Бланки взвешивает, какой еще труд по пропаганде остается выполнить, и мужественно пускается в путь, об'езжая страну и всюду сея доброе семя социализма. Всюду, где он появляется—в Марселе, Ницце, Маноке, Тулоне, Ла-Сене, Лионё, Тараре, С. Этьене—передовой отряд рабочего класса и демократии встречает его горячими приветствиями. После собраний, после минутного разговора с товарищами, старый революционер делается доверчивым, и его обычная суровость сменяется самой нежной сердечностью, мягкостью, добродушием. Он с волнением вспоминает суровые битвы прошлого, со слезами на глазах говорит о любимой жене, или весело шутит и играет с детьми. «Дети,—говорит доктор Сюзини,—шли к нему, как к отцу», а детей инстинкт не обманывает.

В Париже Бланки устраивает бесконечные собрания. В мае и июне 1880-го года он отправляется в Лион, где ставится его кандидатура. Он еще раз побит, потому что не умеет и не хочет добиваться популярности обычным путем, льстить избирателям, обманывать толпу словами и прекрасными фразами. В своем манифесте к французским

избирателям он нападает на Гамбетту и осуждает лицемерие правительства, говоря:

«С 1871-го года деспотизм распоряжается Францией под видом управления, но ему не удается пока восстановить свое королевское великолепие... Республика — младшая служанка, на которой лежит обязанность подметать дом и поддерживать чистоту, хлопочет по хозяйству в ожидании прихода господина. Вся обстановка монархическая...».

В июне 1880-го г. дана амнистия всем приговоренным по делу Коммуны. Бланки возвращены его гражданские права, и к нему возвращаются один за другим большинство из его верных учеников. На вечеринке, данной студентами в честь освобожденных, его приветствуют. Потом вместе с Рошфором он едет в Ментону на праздник в честь Габриэля.

По возвращении в Париж, он основывает журнал: «Долой бога и короля!».—Это первая большая ежедневная газета III-й Республики, определенно революционная и признающая борьбу классов. Бланки пишет передовицы. Андреас Шо (Andréas Scheau) или Жан Мост помещают обширные корреспонденции из Англии: Ральф печатает сообщения из Германии, Ткачев—письма о революционном движении в России; Ледрю—Материалы для истории Коммуны. Там же печатаются хорошие статьи доктора Лукса (Кастельно), Вальяна, Эда, Фредерика Курне, Брейлье, Гау, Константа Мартена, О. Мартине, Пуассона, Гулле, Гранже, Маргерит и др.

Все это и кроме того отчеты о собраниях и конгрессах рабочих, парламентские хроники, разные разности, новости, объявления, рубрика «социальных несправедливостей»—делают эту газету очень интересной и в то же время вполне революционной.

Редактор отдела «социальных несправедливостей» отдает себе отчет в том, что, предоставленный своим собственным силам, он может исследовать только некоторые язвы, которые раз'едают человечество. «Несомненно,—пишет он,—что нельзя сделать шагу по улице, чтобы не содрогнуться от боли при виде зрелищ, которые имеешь постоянно перед глазами, и не подумать о необходимости пол-

ного переустройства общественной организации». И потому он просит читателей указывать ему на все несправедливости, злоупотребления, «мучения всякого рода, которые самый полезный и самый честный класс общества переносит со стороны господина».

Вся газета в том же духе.

Но пролетарии, за которых ратуют бланкисты и в политическом и экономическом отношении, по поводу «лживой политики оппортунизма», биржи труда, несчастных случаев, заработной платы и т. д. и т. д., предпочитали, повидимому, чтение газеты Рошфора — «Непримиримый» (L'Intransigeant). И так как, кроме того, ежедневная газета Бланки не помещает коммерческих объявлений, то с 25 № с 19 декабря 1880-го года, она принуждена сделаться еженедельной. «Старик» не обладает уже, конечно, прежней трудоспособностью, но все-таки, несмотря на свои 76 лет, он не довольствуется редактированием газеты, а печатает брошюру «Рабская и угнетенная армия» (Armée esclave et opprimée), держит речь, в Лилле, выступает в разных кварталах столицы. Он хочет предостеречь истинных республиканцев и социалистов от всякого оптимизма. Он просит поверить его старой опытности и опасаться реакции, воздерживаться от всякой излишней доверчивости. Бланки настойчиво разоблачает «хитрости» оппортунизма и говорит: «Не будем смотреть на вещи с казовой стороны... Лучше обмануться к лучшему, чем к худшему. Иллюзия добра — гибельна».

Он прибавляет: «Правительство смеется над страной, оно покровительствует духовенству, делая вид, что желает его обуздать. Последняя гримаса не зашла, да и не могла зайти далеко. Лица, которые нами правят, консервативны, как вся буржуазия — богатая или на пути к обогащению».

Основываясь на нескольких строках из письма, написанного к Ранку, утверждали, что в это время Бланки отказывался от насильственных мер. Это глубокое недоразумение. Он признавался конфиденциально доктору Сюзени:

«Каждый раз, когда я восставал — этого требовал долг самый настоящий, самый святой. Я очень опасюсь,

чтобы гнусности оппортунизма снова не предписали нам этого долга».

27-го декабря Бланки был на собрании в улице Лекурб. Как и в 48-м году, он защищал красное знамя, непризнаваемое несознательными рабочими. Говоря о трехцветном знамени, которое «утопило свое обаяние в крови народной», он напомнил, что складки этой же эмблемы «прикрывали убийц кровавой недели». Его удивляет, как находятся голоса из народа, чтобы хотеть такое знамя для украшения социалистического, революционного собрания. Он поздно возвратился домой после собрания. В его комнате на Итальянском бульваре ждал его друг Гранж. Они поговорили немного, как вдруг Бланки встает, произнося какие-то невнятные слова, и падает. Удар. Несколько дней спустя, 1-го января 1881-го года, Бланки не стало. Более 100.000 революционеров и свободомыслящих провожали его гроб на кладбище Пер Лашез, но «не доставало еще тридцати тысяч расстрелянных Коммуны», — заметила Луиза Мишель

Потье, автор гимна «Интернационал», вспоминая печальную судьбу этого «тюремного зверя», написал следующую эпитафию Бланки:

Против класса, лишенного совести,
Борясь за народ, лишенный хлеба
Он заслужил при жизни четыре стены,
А после смерти — сосновых четыре доски ¹.

Признательные друзья и гроши пролетариев воздвигли на могиле Бланки его статую, работы известного скульптора Далу — она перейдет к потомству.

¹. Contre une classe sans entrailles,
Luttant pour le Peuple sans pain,
Il eut, vivant, quatre murailles,
Mort, quatre planches de sapin.

II. Идеи.

Бланки, как мыслитель.

Посвящать целую главу идеям Бланки? Это удивит, быть может. Не представляют ли себе обыкновенно Бланки только вождем тайных обществ, конспиратором, народным агитатором, человеком заговора и бунта?

А между тем наружность обманчива. Наперекор легенде, можно бы утверждать, что Бланки был прежде всего человек науки и мыслитель. Но это был мыслитель, который пришел бы по душе Марксу; который не довольствовался исследованием окружающего мира, но хотел его изменить. И человек действия в Бланки затмил мыслителя... Вот почему некоторые из его друзей, как Альберт Реньяр, например, несколько лет после смерти Старика выражал сожаление, что он «расстратил такие прекрасные умственные способности в тщетных конспирациях».

Но действие, какова бы ни была его форма, не может ли оно служить школой, — и лучшей из школ? И с другой стороны, долгие годы заключения Бланки, не способствовали ли они в значительной степени углублению и расширению его умственной работы? Если существует мало борцов, которые подобно Бланки столько учились и размышляли, если только немногие усердно изучали такие отрасли человеческого знания, как география, астрономия, лингвистика, история, политическая экономия и т. п., так это потому, что немногие располагали столькими годами вынужденной праздности, как он — к несчастью своему, конечно! Кроме того, жажда чтения, вытекающая из мышления, не

зсегда соединена с выдающимися умственными способностями, — «с умом пронизательным, острым и уверенным в себе», опирающимся на страстное стремление к познанию.

Было бы сравнительно легко, — тюрьма за тюрьмой, — отметить умственные завоевания Бланки. И так как никогда, быть может, ни один заключенный не писал так много, то мы могли бы основательно узнать мысли Бланки по множеству вопросов, если-б его манускрипты не были, по большей части, сожжены. Но хорошо и то, что дошли до нас страницы, относящиеся к политической экономии и социализму, страницы, собранные под заглавием Социальная Критика. Они составляют очень важный вклад для понимания революционных воззрений Бланки. Сличая их с речами на процессе Пятнадцати, с его брошюрой «Рабская и угнетенная армия», с его статьями в газетах «Кандид» и «Отечество в опасности», с различными манифестами и отрывками речей, можно воссоздать в главных чертах социальную теорию Бланки.

Бланки впрочем далек от ограничения себя построением теории, как бы замечательна она ни была. Он терпеть не может застывших формул и предпочитает им средства борьбы и победы. Он, как Маркс и Энгельс, утешается при неуспехе теории мыслью, что «каждый шаг вперед, каждое действительное движение важнее целой дюжины программ». Но если Бланки не хочет застыть на догмах, — он не отказывается черпать поучения из опыта, он не забывает уроков своих предшественников, он не отталкивает результаты критики. Он хорошо знает, к каким грубым заблуждениям, к каким непростительным ошибкам, к какой непоследовательности приходят те, которые не имеют никакого теоретического основания. И поэтому, хотя он и советует остерегаться даже самой мудрой теории, он вырабатывает себе доктрину, согласно с которой воспитывает и направляет ту часть пролетариата, которая признает его вождем.

Мы дадим общее понятие о доктринах Бланки, рассмотрим его критику капиталистического общества и половинчатых средств к его исправлению, его теорию борьбы классов его мысли о диктатуре пролетариата, о коммунизме, его бое-

вую тактику, его отношение к Интернационалу, к французским социалистическим школам, к марксизму и к первым борцам русской революции

Критика капиталистического общества.

Уже в январе 1832-го года в своей защите на процессе Пятнадцати Бланки предал капиталистическое общество анафеме:

«Механизм этой машины, обдуманной с удивительным мастерством, настигает бедняка каждую минуту, преследует его в малейших нуждах его скромного существования, отбирает половину его малейшего заработка, его самой незначительной радости. И денег, перекочевывающих из карманов пролетариата в карман богача, пройдя через бездны риска,—еще недостаточно, еще более громадные суммы непосредственно собираются с масс привилегированными классами путем законов, которые регулируют промышленные и торговые сделки, законов,—исключительное право фабрикации которых принадлежит этим привилегированным.

«Чтобы землевладелец мог получать со своих полей крупную ренту, на заграничное зерно налагается ввозная пошлина, которая повышает его цену; а вы знаете, что несколькими сантиметрами больше или меньше на фунт хлеба — это жизнь и смерть многих тысяч рабочих. Эти правительственные пошлины на хлеб давят главным образом прибрежное население юга. Чтобы обогатить нескольких крупных фабрикантов и собственников рудников, облагают громадными пошлинами германское и шведское железо, так что крестьяне, принуждены платить очень дорого за очень дурные орудия, тогда как они могли бы получить дешево прекрасные. Другие государства в свою очередь делят за наши запрещения, вынося французские вина со своих рынков. Это, вместе с налогами, которые тяготеют на внешнем рынке на этом товаре,—доводит до нищеты самую богатую местность Франции, убивает культуру виноградников, наиболее свойственную этой местности, культуру действительно туземную, наиболее выгодную для использования почвы и для мелкой собственности. Я уже не го-

ворю о налоге на соль, о лотереях, о монополии на табак, — одним словом, об этой нескончаемой сети налогов, монополий, запретов, таможенных и акцизных пошлин, которые окружают пролетария, которые сковывают и атрофируют его члены. Достаточно будет сказать, что эта масса налогов распределяется таким образом, чтоб всегда щадить богача и ложиться исключительно на бедняка; иначе говоря, праздные люди недостойным образом грабят трудящиеся массы. Таково государство, которое министры-златоусты нам выдают за образцовую социальную организацию—итог всего, что было лучшего и совершенного в различных административных механизмах, начиная с птопа. Вот, что они восхваляют как *plus ultra*¹ человеческого совершенства по части правительств! Это просто на просто теория лихоимства, доведенная до последних границ. Самое сильное доказательство того, что этот порядок вещей поддерживается только для эксплуатации бедняка богатым, что не искали другого основания, как только низкий и грубый материализм, это то, что разум в положении илота. Действительно,—он гарантия нравственности, а нравственность, попавшая нечаянно в такую систему, могла бы только сделаться элементом разрушения».

Молодой республиканец, говорящий во имя «людей ума и сердца», отброшенных пошлой денежной аристократией в разряд париев, возмущается таким положением вещей. Он открыто объявляет судьям, что покраснел бы от стыда, если бы не чувствовал этого жестокого поругания и оставался бы равнодушным к «страданиям пролетариев, своих братьев по несчастью».

Прошли года, но Бланки так же беспощадно критикует капиталистическое общество. Он осмеивает святейшие социальные принципы, предназначенные поддерживать привилегии буржуазии. Он восклицает:

«Мир принадлежит силе... Обычная судьба слабых, их предназначение — служить жертвой сильных. Общество ничто иное, как организованная антропофагия. Всякая за-

¹ Высшая степень.

щита слабых против священных прав сильных, всякая гарантия против эксплуатации — есть покушение на социальные принципы: свободу, естественный порядок, на самую сущность человека. Это возмущение против Провидения, против человеческого существа, попытки опровергнуть закон природы.

«Бог, создавая людей неравными по силе и разуму, создал тиранию и рабство, господ и рабов. Невежды и слабые—законные жертвы умных и сильных. Всякое покушение изменить эти львиные законы, избавить жертву от минотавра—есть нападение на собственность, грабеж, покушение на социальные принципы».

В ноябре 1870 года во время осады Парижа под впечатлением возмущения, вызванного мерами против мародеров, которые, с опасностью для жизни, собирали за фортификациями — хворост и овощи, Бланки еще раз обрушивается на «бессердечное общество, которое убивает преданность в сердце народа и порождает ненависть к «обществу-мачихе», которое «ставит бедняка, как преступника, вне закона и считает гражданином только богатого». Он прибавляет: «Все то же лицемерное и жестокое общество писало вчера — милосердие, сегодня — свобода, равенство и братство на дверях своих тюрем». Но каково же экономическое основание этого общества? Бланки отвечает: капитал. И под этим словом он понимает — денежный капитал. Для него капитал не накопленный труд, как предполагают экономисты официальной школы, но труд отчасти закрепощенный, а отчасти—награбленный. За недостатком места, мы не можем привести его аргументации.

Мы не можем также распространяться об его критике кредита за проценты, по поводу которого он ставит нескромные вопросы «папам так называемой науки»: «Зачем,—спрашивает он,—установив эквивалентность обмена, уничтожаете вы ее, строя уравнение такого рода: $100 = 105$ или 110 и т. д. Почему давать займы за $5\frac{1}{10}$ — добродетель, а за 12 — проступок?».

Бланки видит три причины возникновения земельной собственности: силу, деньги, труд «Сила,—говорит он,—принесит над собою приговор своим собственным именем

Это победитель—князь, разбойник — все равно, насильем заставляющий работать других в свою пользу. Покупка земли есть захват путем капитала. Труд—единственный честный источник земельной собственности, он дает право только на участок, который может быть обработан самим поселенцем, излишек же сверх этого—узурпация».

Значит, надо вернуться к подразделению земли на мелкие участки? Нет, Бланки хочет не этого: «Аграрный раздел не есть равенство, бесконечное подразделение земли не изменит ничего, в сущности, в праве собственности. Богатство вытекает не из самого труда, а из владения орудиями производства; уцелев, этот гений эксплуатации сумел бы скоро воссозданием крупных состояний реставрировать социальное неравенство.

Ассоциация, поставленная на место индивидуальной собственности, одна способна создать путем равенства царство справедливости».

Бланки считает к тому же, что «присвоение земли, под предлогом труда над ней, есть неимоверная дерзость». Значит, человек ставит ни во что работу природы? Между тем она делает почти все в девяносто девяти случаях на сто по крайней мере. «Какова роль человека в продуктивности почвы? Бесконечно малая и бесконечно грубая. Когда он вспахал, унавозил, посеял, он складывает руки и ждет таинственного творчества, не понимая его. Земля, или вернее природа, работает за него; вода, солнце, атмосфера соединяют свои силы и приносят в чудесном согласии свое даровое содействие».

Исключая Маркса, всегда могуче убедительного, никто лучше Бланки не показал рабства рабочего класса. В марте 1834 года, в одной статье, предназначенной для «Освободителя» (Libérateur), он писал:

... «Но рабство состоит не только в том, что человек является собственностью другого человека или прикреплен к земле; не свободен и тот, кто, будучи лишен орудий труда, остается во власти привилегированного владельца этих необходимых орудий. Это-то присвоение, а не та или иная политическая конституция, превращает массы в рабов.

«Передача по наследству земли и капиталов ставит граждан под иго собственников: они свободны только в вы- боре себе господина, отсюда происходит, конечно, звучащее насмешкой выражение: *богаты е дают работу бедн- кам*. Действительно, почти так же и плантаторы доста- вляют работу неграм; существует только немножко больше равнодушия к человеческой жизни, потому что рабочий не раб, которым надо дорожить, как капиталом. Его смерть не потеря,— всегда существует конкуренция, чтоб заменить его, заработная плата,— эта небольшая частица, хотя еле хва- тающая для поддержания жизни, способствует тем не менее быстрейшему размножению этого мяса для эксплуатации, без конца производя на свет детей бедняков для служения детям богачей и продолжения таким образом из поколения в поколение этого двойного параллельного наследия—рос- коши и нищеты, наслаждения и страдания, которые состав- ляют элементы нашего общества. Так как капиталы сами по себе бесплодны и приносят пользу только при посред- стве рабочей силы, а с другой стороны они составляют не- обходимое сырье, пущенное в дело социальными силами, — большинство, не владеющее ими, приговорено к каторжным работам в пользу класса собственников. Ни орудия труда, ни плоды его не принадлежат трудящимся, а принадлежат праздным. Паразитные ветки впитывают сок дерева за счет плодородных отростков; трутни пожирают мед, собранный пчелами. Таков наш социальный порядок, созданный завое- ванием, которое подразделило население на победителей и побежденных. Логическое следствие такой организации— это рабство; оно не заставило себя ждать. Действительно, так как земля приобретает стоимость только при посредстве труда, то привилегированные — на основании права вла- дения землей,— заключили, что имеют право владеть и человеческим соком, который ее оплодотворяет; в начале они рассматривали его как дополнение к их материальному владению, потом, при дальнейшем анализе, как личную собственность, независимо от земли».

Бастиа, «самый смелый из защитников капитала», видит в этом «договор по свободному соглашению». Какая ирония! Это—«договор с чортом»,—отвечает Бланки и прибавляет.

«Ростовщическая сделка, хотя бы по 1.000 процентов на 100 всегда свободна в иудейском смысле слова, потому что сама жертва фигурирует в ней как сторона».

«Но согласиться скрепя сердце, когда нищета держит за горло, на убийственные условия, которые оспаривать невозможно,— разве это свобода?»

Итак, по Бланки: захват, эксплуатация, рабство—таковы следствия индивидуального присвоения капиталов и средств производства. Политическая экономия, «плутоватая служанка и хранительница ее императорского величества золота, может ухищряться и фабриковать громоотводы», умножать «хитросплетения» и софизмы—ей не удастся замаскировать реальной природы отношений между капиталом и трудом.

Подвергнув таким образом анализу и критике экономи- ческую структуру капиталистического общества, Бланки может, очевидно, только бороться с политической надстрой- кой, которая зиждется на ней.

В 1867-м году он определяет буржуазное государство словами: «жандармерия богатых против бедных».

Закон для него только «выражение воли более сильного», т.-е. богатого, и Палата депутатов продолжает «невозмутимо фабриковать фискальные, уголовные, административные за- коны, направленные к той же цели—грабежа». Он видит в церкви и армии—два орудия тирании. Церковь, поддер- живая, распространяя веру в сверхестественное, толкает рабочий класс в настоящую ловушку. Армия держит проле- тарию под игмом во времена мира и делает возможной, время от времени, войну, как отвлекающее средство, спо- собное успокоить лихорадку подданных «усиленным крово- пусканием на поле сражения».

И подданные гордятся, рады: «Не знаешь, чем больше любоваться,—прибавляет Бланки,—жестокостью ли бесцеремон- ностью хирурга или глупостью пациентов».

По правде сказать, если Бланки отдает себе отчет в том, что колониальные экспедиции—следствие «яростной жадности», он не замечает, повидимому, экономического корня великих европейских войн. На этот счет, как и в не- которых других пунктах, существует пробел в его труде. Но как бы то ни было, непреложно то, что в общем его

социальная критика—сильная, жестокая, едкая и горькая— может и теперь пригодиться современным революционным социалистам, и то, что она выдержала испытание времени доказывает ее ценность.

Борьба классов.

Положительные взгляды Бланки, быть может, интереснее его критики.

Во-первых, как Бабёф и Буонаротти, Бланки признает борьбу классов одновременно как факт и как принцип действия. И это уже с 1832-го года. т-е. в то время, когда сен-симонисты и фурьеристы превозносят «сотрудничество». На процессе Пятнадцати он уже утверждает, что «вся политическая борьба сводится к войне богатых с бедными», и что богатые «нападают» потому, что они «взимают постыдную пошлину с трудящихся». Но Бланки жалуется, что рабочий класс в большинстве случаев не сознает этой борьбы. Невежество—дочь рабства—делает из бедняка «покорное орудие привилегированных».

«Подавленный трудом, чуждый умственной жизни, что может он знать об этих социальных явлениях, в которых он играет роль рабочего скота? Он принимает как благодеяние то, что благоволят ему оставить из плодов его труда, и видит в руке, которая его эксплуатирует, — только руку его питающую. Он готов по первому знаку господина рзстерзать смельчака, котсрый пробует указать ему лучшую судьбу ...

Немного дальше, намекая на подавленное в крови возмущение лионских рабочих, Бланки прибавляет: «Как трудно пролетариату открыть глаза на своих угнетателей! Если в Лионе он поднялся, как один человек, то это потому, что явный антагонизм интересов не позволял более сохранить иллюзии, даже при самом упрямом ослеплении. Тогда выявились сокровища ненависти и жестокости, которые вмещает душа этих торговцев! Со всех сторон с угрозами спешили на резню: пушки, конница, солдаты. Возвратиться к своему долгу или погибнуть под пулями — таков выбор, предоставленный непокорным. Долг лионского рабочего,

человека-машины — это плакать с голоду, создавая и день и ночь на радость богачей дивные ткани из золота, шелка и слез.

«Но такая суровая тирания имеет свои неудобства: озлобление, возмущение. Чтоб избежать опасности, пробуют помирить Каина с Авелем. Из нужды в капитале, как в средствах труда, ухищряются вывести общность интересов и, следовательно, солидарность между капиталистом и рабочим. Сколько фраз, искусно вышитых на канве братской любви! Овцу стригут только для ее здоровья. Она еще должна быть благодарна. Наши эскулапы умеют позолотить пилюлю.

«Эти проповеди находят еще простаков, но немного. С каждым днем все ярче выясняется это мнимое содружество паразита и его жертвы. Факты имеют свое красноречие; они указывают на борьбу, борьбу на смерть между прибылью и заработной платой».

По правде сказать, если во взглядах Бланки на борьбу классов больше глубины, чем на страницах Бабёфа о том же предмете, то нет у него суровой и дикой энергии последнего. Но, с другой стороны, тотчас отмечаешь у Бланки— как и у Маркса—действительное старание связать борьбу классов, которая происходит перед его глазами, со всем ходом истории.

«Притеснение торжествовало, конечно, повсюду и всегда до сегодняшнего дня, но не без борьбы. Вся история—только длинный пересказ этой ожесточенной борьбы. Она зарегистрировала кровавые победы собственности, ее жестокие законы, ее безжалостное господство. Собственность защищалась только репрессиями от инстинктивных и несознательных требований труда.

Что начинают теперь ясно различать в хрониках каждого народа—это жестокость средств, употребляемых, чтоб подержать подчинение трудящихся и господство собственника»...

Бланки указывает в Риме на «кростовщиков-патрициев», господствовавших одновременно «мечом и сестерцией»¹,

¹ Римская монета.—Прим. пер.

в пятисотлетней борьбе с плебеями, подавленными долгами, попадающими в кабалу.

«Римская история есть только длинный рассказ о борьбе между капиталом и трудом. Междоусобия и войны—все идет отсюда. Создание и падение децемвиров, учреждение трибунала—только эпизоды в этой борьбе, а завоевания—неизменное, специфическое средство против бунта».

Потом в феодальном обществе восстают крепостные против помещиков. Понимая невозможность бороться один на один, они соединяются вместе для того, чтобы «расстроить пир» власть имущих. Бланки вспоминает восстания крестьян в Риме (Багодов), крестьянские войны в Германии, «жакерию». С той минуты, как противоречия стали вопросом силы, решение принадлежало большинству крестьян. Сегодня «рабочие представляют большинство и начинают недурно «просвещаться». В этих условиях исход борьбы не представляет сомнения. Тем более, что «с каждым днем пропасть делается глубже между двумя единственными кастами: — роскошью и нищетой. Промежуточные состояния исчезают».

Экономисты, приговаривая без колебаний «человеческий род к вечной неподвижности при этом антагонизме», льстят себя тщетной надеждой. А с ними и те, которые стараются перекинуть мост между двумя соперничающими кастами.

Но если Бланки одобряет борьбу классов, если он считает рабочий класс орудием и главным двигателем революции, он не впадает в преувеличение, в то, что мы теперь называем «увриеризмом» (махаевщиной).

В 1868 году он выступает против предложения Толэна принимать только рабочих в интернационал и кооперацию. Как Маркс, Бланки не отвергает помощи перебежчиков господствующего класса. Он оценивает в следующих словах переход этих элементов в ряды пролетариата: «отщепенцы, скрытое орудие прогресса, составляют теперь тайное бродило, которое втихомолку подымает массы и мешаает им впадать в маразм. Завтра они будут резервом революции».

Бланки рассуждает о борьбе классов так же, как Маркс, и, как великий немецкий социалист, он очищает слова от

их буржуазного содержания, находя в них смысл, противоположный общепринятому смыслу буржуазного словаря.

Он пишет, между прочим:

«Теперь каждое слово обозначает понятия, диаметрально противоположные. Если какое-нибудь выражение в настоящем и принятом смысле сделалось народным знаменем,—враг присваивает его и водружает на совершенно противоположной идее, чтоб навязать ее под этим прикрытием. Например: умеренность, свобода, долг. Настоящий смысл этих слов в их новом лагере:—убийство, рабство, эгоизм».

В другом месте, указывая на пропасть, которая, разделяет социализм и политическую экономию, он говорит:

«Это два понимания общества, диаметрально противоположные. Что добродетель для одного — преступление в глазах другого. Отрицание соответствует утверждению, проклятие—бедности, похвала—анафеме».

Добродетельный человек, человек - скопидом экономистов—для Бланки только чудовище:

«Суровый к себе, беспощадный по отношению к ближнему, он скорее хладнокровно даст погибнуть десяти тысячам человек на своих глазах, чем истратит грош для их спасения».

Критика паллиативов.

Имея столь ясное представление о борьбе классов, Бланки мощно борется против всего того что может ее ослабить или затушевать. Он чувствует, что она чревата освободительной революцией. И потому у него не хватает слов презрения, чтобы заклеить соглашателей всех толков, которые надеются избежать революции—невозможным сотрудничеством всех классов или, согласно пресловутому изречению,—хотя «любовью совершить революцию».

Он считает возможным добиться спасения нелегальным путем, но только при посредстве насильственной революции.

Конечно, в начале своей политической карьеры Бланки мог питать некоторые иллюзии насчет результатов все-

общего избирательного права. Он мог думать, что распространение права голосования на массы приведет к серьезным социальным реформам и к разрушению современной фискальной системы. Но он недолго держался этого взгляда. Ниже видно будет, как он мало уважал потом всеобщее голосование. При помощи выписок из его сочинений, которые относятся ко времени Второй Империи, мы определим его отношение к реформам и паллиативам всякого рода, придумываемым с двойною целью — ослабить действие пролетариата и утвердить буржуазное общество.

Прежде всего, он умеет ярко охарактеризовать их. Для него эти реформы — «снотворные пилюли против народных волнений», «искусные ухищрения, чтоб отвлечь и провести осаждающую армию», способ «завоевать во что бы то ни стало безнаказанность эксплуатации и привилегий», «тщетные усилия приковать массы к разрушающейся тирании и заинтересовать их путем эгоистической выгоды в поддержке всеобщего притеснения».

Сберегательные кассы, пенсии старикам, поселения для рабочих: это все средства, которые он отбрасывает с пренебрежением.

Мы не будем приводить его пылкой критики сберегательных касс, этого «шарлатанства и бича», сбор с масс в пользу меньшинства; не будем повторять его нападения на рабочие поселения, устраиваемые, чтоб накинуть «аркан на шею пролетариев». Ограничимся указанием, как шутиливо и в то же время горько критикует «смешной и лицемерный» закон 1849-го года о создании национальных пенсионных касс.

«Сто тысяч премий в двадцать франков каждая, чтоб вызвать соревнование, подстрекнуть простаков — мечтателей с призами, натертая маслом сверху до низу, с кружкой и серебряными часами на верхушке. Поместив сто тысяч премий, приманку прячут. Бедные люди! Далеко они пойдут с их кассой помощи старикам! В 50 лет вступают в пользование! Какая блестящая перспектива для рабочих, из которых четыре пятых не доживает до 50-ти лет!»

Кооперация, синдикализм и стачки.

Кооперация, даровой кредит, все «практичные реформы», проповедуемые прудонистами и которые соблазнили часть рабочих масс во время Второй Империи, — нашли в Бланки непримиримого противника. Он указывал на опасность их. Он показал, что они не приносят освобождения и спасения рабочего класса, но только втягивают его в бесплодные авантюры.

«Рассмотрим, — пишет он в 1867 году, — кооперативное движение, разберем, каково его значение при современном положении. Оно представляется в трех формах: потребительные общества, кредитные и производительные.

«Потребительные общества легче всего и проще всего устроить. В них рискуешь мало. Но они могут привести только к незначительным результатам, а иногда даже и к разочарованиям. Они применимы, впрочем, только в крупных центрах. Вообще, это скорее забава, чем паллиатив.

«Кредитные общества уже представляют опасность для рабочих, обаятельный мираж, который увлекает и запутывает их в трудных вопросах текущих счетов, сроков платежа, нарастающих процентов, во всем лабиринте финансовых комбинаций, где по неопытности они рискуют сильно затеряться. Эти общества требуют от рабочего некоторого образования, что очень суживает круг их применения.

«Что касается производительной кооперации, продолжает Бланки, то я ее считаю самой губительной ловушкой для пролетариата. Ясно, что только очень небольшое число рабочих обладает необходимыми средствами для таких предприятий.

«Только наилучшие одаренные пойдут по этому пути.

«И что же! на этом пути — неудача или удача одинаково будут несчастием. Неудача — это разорение и отчаяние. Удача, — еще хуже! — это разделение рабочих на два класса: с одной стороны, большинство — невежественное, заброшенное, беспомощное, безнадежно погрязшее в низком заработке; с другой — небольшое меньшинство — умное, но зани-

мающееся только своими частными интересами и навсегда отделившееся от своих несчастных братьев.

«Не хотят ли этой утопией снять сливки с народа, отнять у него его естественных защитников, чтобы создать из них новую касту, нечто в роде полубуржуа, еще более эгоистическую, потому что она была бы ближе к своим деньгам, сидела бы над ними, была бы наиболее недоверчивой и грубо консервативной?»

«Вот последнее слово этого ублюдочного средства, которое в колыбели окрестили громким именем: воскресение социализма и которое есть только его отрицание, его могила! Это—приманка, чтобы отвлечь народ с его естественного пути в сторону, в закоулок, где он запутывается в каких-то ребяческих спекуляциях, без возможности другого результата, как только прививка несчастному рабочему постоянной лихорадки прибыли и убытка, которая пожрет его жизнь и не оставит в нем ни одной мысли для общего дела.

«Впрочем, не без причины подозрительное правительство смотрит снисходительно на кооперацию и даже, при случае, помогает ей. Не средство ли это отделаться от стеснительного врага—революционного социализма? В то время, как рабочие строят грош за грошом свои маленькие ассоциации в десять, двадцать, сто человек, их горизонт ограничивается, они пренебрегают социальной борьбой. Поглощенные спекуляцией, они не думают об освобождении своего класса или теряют его из виду. Еще счастье, если они не почерпнут в подобной форме группировки эгоизм, который поведет к «усилению социального антагонизма».

«В современных политических условиях¹ рабочим были бы полезны только общества взаимопомощи для охраны прав труда и борьбы с капиталом. Всякая органическая попытка производства была бы ошибкой и анахронизмом».

Не заметил ли, впрочем, сам Прудон в своих ядовитых нападениях на фурьеристские фаланги, что «общество не создается постепенным нарастанием элементов»?

¹ Это относится ко времени Второй Империи. Прим. пер.

Вообще, у Бланки очень ясные и очень верные понятия о кооперации. Можно сказать, что он заранее осудил современную кооперативную школу¹ с ее жалкой претензией мирно и своими собственными силами разрешить социальный вопрос. Но Бланки не видал, что кооперация в руках рабочих, обладающих развитым классовым сознанием, могла бы сделаться орудием борьбы против капитализма и интересной формой экономической выучки.

Как доказывает вышеприведенная выдержка, Бланки предпочитал кооперативам «общества сопротивления капитализму»—эти профсоюзы Второй Империи. И это было логично; эти ассоциации обращались к массам, они организовывались в виду борьбы, они вели к стачкам и, в сущности, под прикрытием «сопротивления», вели наступательную борьбу против капитала. Они должны были быть по душе Бланки.

«Рабочие силой своего объединения перестают переносить волю своих прежних владык. Они борются более равным оружием с их жадностью и не находятся более в положении пресмыкающихся. Они могут остановить падение заработной платы, противостоять эксплуатации, выработать, а не только принимать условия труда. Они вмешиваются в дело присвоения прибыли и уменьшают несправедливость распределения.

«Это бунт нестерпимый в глазах фабриканта, который не является больше единственным распорядителем в оценке рабочей силы и который лишается благодаря этому своего главного выигрыша—произвольного уменьшения заработной платы, следовательно, продажи по удешевленным ценам—этой приманки заказов и гарантии сбыта. Эта борьба чревата гражданской войной».

По поводу этих требований рабочих, некоторые упрекают их в том, что они низводят социальный вопрос на уровень грубого материализма, Бланки отвечает: «В нашей бедной Франции, где три четверти всего числа рабочих нуждается в необходимом, я утверждаю, что триада, которая стоит на первом месте—это три ножки котла, в кото-

¹ Школа Шарля Жюда.

ром варится пища.. Пусть рассуждают иначе строгие моралисты, владеющие 50.000 франков дохода. Предоставим этим Симеонам-Стоппникам проповедывать пост и властину, грея спину у очага и живот у обеденного стола. Оставим от'евшимся поборникам возвышенной политики, жирным анахоретам свято громить материалистические доктрины.. Не будем уклоняться от нашего пути из страха перед анафемами ангельских Тартюфов, восседающих спокойно с каплуном и трюфелями, с одной стороны, и куртизанкой—с другой».

Под пером Бланки в октябре 1867-го года возникает параллель между стачкой и кооперацией. Она так хорошо резюмирует его мысль об относительной ценности этих двух форм деятельности, что мы приведем ее целиком:

«Стачка понятна всем, смысл ее прост: это сопротивление угнетению. Все могут присоединиться к ней. Кооперация в ее различных формах—кредитные общества, производительные товарищества — сложное дело, которое может соблазнять уже развитые умы, но которое пугает невежд и простаков. Она едва соберет десять сторонников, а стачка—десять тысяч.

«К одной примкнет большинство, к другой—редкие исключения. Не надо ли предпочесть знамя, которое объединяет массу, тому, которое группирует только нескольких индивидов?

«Стачка, несмотря на некоторые неудобства, есть естественное средство, по плечу всем, в котором все могут принять участие. Кооперация есть средство, доступное только наиболее образованным, к которому все остальные относятся недоверчиво, равнодушно или даже не знают его. Стачка—единственное действительно пролетарское оружие в борьбе с капиталом.

«Временно опираясь на стачку, как на средство защиты против угнетения капитала, народные массы должны соединить все свои усилия, чтобы добиться политического переустройства, единственно способного произвести социальный переворот и добиться распределения продуктов согласно справедливости».

И так, для Бланки стачка, хотя и имеющая гораздо большее значение чем кооперация, не может избавить от политической борьбы.

Правда, Бланки, стоявший благодаря обстоятельствам в стороне от экономической борьбы, которую вели тогда рабочие Франции, не отдавал себе отчета, что самая логика борьбы, отрицательные результаты ее, или ничтожные по сравнению с потраченными усилиями—заставят даже самых малосознательных рабочих «стремиться к радикальным реформам для освобождения от капиталистического угнетения», как показал это Варлен. Бланки не предугадывал также, какое громадное значение и какую революционную ценность может иметь всеобщая стачка, хотя это с удивительным предвидением было уже выражено Сильвеном Маршалем еще в 1788 году, Бенбау в эпоху чартизма и Делеклюзом в 1848 году.

Необходимость политической борьбы.

Заметьте в вышеприведенных строках Бланки о стачках следующее выражение: «политическое переустройство одно способно произвести социальный переворот»—это одно из главных положений его доктрины. Во все продолжение своей долгой деятельности апостола и агитатора Бланки никогда не изменял этому пункту. Захват власти народом (политическая революция) и радикальное использование этой власти, чтобы ниспровергнуть старое экономическое основание общества (социальная революция)—но это ведь самая суть бабуизма! Сейчас видно, чем Бланки обязан «равным». Ясно видна и пропасть, которая отделяет его от С.-Симона и Фурье, отбрасывающих всякую политическую борьбу и, главное, всякую революционную борьбу, и от Прудона, подчинявшего политическую революцию революции социальной. Вопреки тому, что может показаться на первый взгляд, Луи Блан глубоко отличается от Бланки. Хотя Луи Блан и говорит, что «б без политической реформы не может быть и социальной», хотя он и поясняет, что «вторая—цель, а первая—средство», но политическая революция, о которой говорит Луи Блан—имеет чисто формаль-

ный характер, потому что она оставляет в целости в руках буржуазии государственную машину.

В конце ноября 1879 года в одном письме Бланки, так сказать, собрал воедино свои мысли по этому предмету:

«Социальный вопрос сможет подлежать серьезному обсуждению и войти в практику только через политику и после самого энергичного и самого бесповоротного политического вопроса. Иначе — значит впрягать плуг перед волами.

«Раз уже сделали подобную попытку — и социальный вопрос был отодвинут на двадцать лет. Он тем не менее был поставлен определенно и с большой ясностью по крайней мере в пятидесяти программах, полной и подробно разработанных. Все пропало в буре, поднятой исполнительной властью, которую надо было раньше ниспровергнуть, чтобы иметь свободное поле действия. Пусть этот кровавый урок прошлого послужит нам на пользу. Не будем повторять тех же ошибок».

В августе 1867 года, критикуя положения Прудона, Бланки отмечает первостепенное значение государства в социальной жизни. Всякая теория, которая претендует освободить рабочий класс, не считаясь с государством, ему кажется химерой и, «быть может, изменой». Такую теорию отрицает очевидность и история. «Формы правления — вопрос жизни и смерти». Правительство губит или спасает народ. Оно сдерживает людей «по всем швам». Сегодня оно делает зло, а завтра сможет делать добро, хотя «всякое правительство по натуре угнетатель». Действовать вне государства, ограничиваться деятельностью так называемой «независимой» от политики все равно, что «убеждать пролетариев в том, что легко ходить со связанными руками и ногами». Иллюзия не может продолжаться долго. Пролетарии «увидят, что нельзя подвигаться вперед со скованными членами и с повязкой на глазах».

И потому для Бланки ясно, что всякое социалистическое действие должно быть и политическим, чтоб быть действительным, и что оно должно себе ставить целью завоевание власти. Когда эта цель достигнута, государство из «жандармерии богатых против бедных» делается жан

дерией бедных против богатых: это диктатура пролетариата. Позже управление людьми уступает место управлению вещами; перед нами разворачивается «всеобщее общество взаимопомощи, громадная свободная мастерская с полным разделением труда». Это — коммунизм. Бланки прибавляет: «Сегодня нам до него еще далеко, к сожалению!».

Если держаться больше буквы, чем смысла, то может показаться некоторое противоречие в мыслях, высказываемых Бланки, потому что он обозначает тем же выражением буржуазное государство и пролетарское. Но вчитываясь внимательнее в слова, где об этом говорится, и связывая их с теорией Бланки о диктатуре, нельзя сомневаться, что он понимает отношения социализма к государству так же, как Маркс и Энгельс.

Эволюция и революция. Диктатура пролетариата.

Посмотрим же теперь, как Бланки понимает революцию. Прежде всего отметим, что он не из тех, которые противопоставляют эволюцию революции.

Он рассматривает революцию как исход эволюции и в то же время, как начало новой эволюции.

«Ничто не возникает произвольно — ни у человека, ни в природе... Даже революции, которые кажутся такими внезапными, — только высвобождение куколки. Они медленно вылезали под взломанной ими оболочкой».

Бланки не верит в «Революцию — Чудо», о которой мечтают искатели вечных истин: он слишком реалист для этого и по личному опыту хорошо знает, как медленно идет осуществление теории:

«Первый день революции — неожиданное событие. Не то, чтобы произошла внезапная перемена. И люди и вещи те же, что накануне. Только надежда и страх поменялись лагерями. Цепи упали, народ свободен и бесконечные горизонты открываются перед ним».

Рабочие это хорошо чувствуют и стремятся к этой цели ценою даже потерянного труда, испорченного существования, ценою безработицы, нищеты и голода. Бланки прибавляет: «Революция! Это единственное облегчение для их

больной души, единственная передышка для их моральных страданий, всегда слишком короткое мгновение, когда они поднимают голову, склоненную к земле.

«Ах! теперь я понимаю, что значит час торжества и могущества, один час, когда стоишь во весь рост после столетий лет принижения!».

Почему же так надо, чтобы каждый раз пролетарий оставался на полдороге из покорности, по рутине, по недостатку энергии, по благодушию, фетишизму ко всем тем, которые владеют хотя бы клочком власти? Нельзя осуществить революцию, щадя врага; нужна непреклонная суровость.. «Те, которые делают революции наполовину—только роют себе могилу»,—сказал когда-то Сен-Жюст. Бланки все это знает, и вот почему он заявляет себя сторонником диктатуры пролетариата на другой день ниспровержения буржуазии. Не нужно больших усилий, чтоб найти, откуда взяты у Бланки отдельные черты этого понятия о диктатуре. Действительно, Бланки изучал Маккиавелли. Он читал и перечитывал трактат о государе. Он усвоил некоторые выводы знаменитого флорентинца, а именно следующие: всегда перемена оставляет камень для возведения нового; переходное время всегда необходимо. Когда овладевают государством, надо создать сильную власть и действовать смело тотчас. Задача трудная, потому что те, которые заведывали старыми учреждениями делаются непримиримыми врагами, а люди, призванные воспользоваться новыми—недоверчивы, недостаточно опытные. От этого происходит страстность в нападении, с одной стороны, и нерешительность в защите—с другой. Кроме того, по природе народ непостоянен, и надо всегда помнить, что если легко его убедить, то трудно держать его долго в этом убеждении.

Бабеф также черпал у Маккиавелли доказательства в пользу революционной диктатуры. В бумагах, забранных у него во время ареста, нашли выписки и примечания по поводу «Первой декады Тита Ливия». И правда, интересно видеть, как Бабеф и Бланки по очереди пользовались на пользу пролетариата, суровыми правилами Маккиавелли, сделавшегося «государем», в свою очередь, захватив власть.

Надо напомнить также, что благодаря Буонаротти Бланки знал полностью теорию Бабефа о диктатуре. И чувствуешь, что он усвоил эту теорию, удивительную по глубине и прозорливости. Но гораздо более, чем доводы Маккиавелли и Буонаротти, собственный опыт революций, в которых он был замешан, заставляет Бланки рекомендовать диктатуру как революционное правительство пролетариата.

Согласно Бланки, эта диктатура должна быть в руках столицы—Парижа в данном случае,—и на следующих основаниях:

1. Разрыв с либеральной буржуазией и вооружение рабочего класса.
 2. Отсрочка выборов и недопущение никакого народного собрания.
 3. Борьба с церковью и религией
 4. Уничтожение буржуазной прессы
 5. Всеобщее народное образование
 6. Строгие меры в судебном и фискальном порядке, осторожные—в экономике.
- Мы последовательно рассмотрим каждый пункт.

Разрыв с буржуазией. Вооружение рабочих

Бланки освещает первый вопрос в статье, помещенной в газете «Отечество в опасности» 10 октября 1870 года.

Он показывает в статье, что народ в период революции делает серьезную ошибку, сохраняя старых идолов и ища правителей в среде своих смертельных врагов, политиканов, «слуг всех правительств», которые цепляются за народный мандат как за собственность, и которые мало-помалу создают новую аристократию. Какое безумие,—говорит он,—это упорное доверие к куклам, к людям, «без убеждений и совести», которые готовы служить во всякой ливрее, носить шлейф у всякого имеющего власть, которые никогда не рискнули бы ни одним волосом с головы, ни одним часом своей свободы ради демократии?.. Не надо повторять ошибки 1830 и 1848 годов, ни даже 4 сентября. Вот полезное предостережение: «Всякая революция, которая радикально разрывает с низвергнутым деспотизмом, которая сохра-

няет во главе хотя бы одного человека из тех, которые выдвинулись и стали известны как участники старого правительства угнетателей,—эта революция заранее побеждена, она ловушка для того, кто приложил к ней руку».

В тссте, посланном из Белль-Илля 10 февраля бланкистам эмигрантам в Лондоне, собравшимся в память 24 февраля 1848 года, Бланки, выводя урок из этой неудавшейся революции, еще более настаивает на необходимости разрыва с республиканцами и буржуазными социалистами. Он выдвигает в то-же время принцип вооружения рабочих.

Это «обращение к народу» так сильно, так ясно и так еще своевременно после 72 лет, что нам надо воспроизвести его целиком:

«Какая опасность грозит будущей революции? Та же, о которую разбилась вчерашняя: прискорбная популярность буржуа, переодетого в трибуна.

«Ледрю-Роллен, Луи Блан, Кремье, Ламартин, Гарнье Пажес, Дюпон-де-Лер, Флокон, Альбер, Араго, Марра!—Какъ похоронный список! Зловещие имена, написанные кровавыми буквами на всех мостовых демократической Европы.

«Революцию убило временное правительство. На его голову должна пасть ответственность за все бедствия и кровь стольких тысяч жертв. Реакция делала только свое ремесло, убивая демократию. Преступниками были те изменники, которых доверчивый народ сделал своими вожаками и которые предали его реакции.

«Презренное правительство! Несмотря на крики и просьбы оно назначает налог в 45 сантимов, который поднимает крестьян с отчаяния, оно сохраняет главный штаб монархистов, монархических судей, монархические законы. Измена!

«Оно преследует рабочих Парижа: 15-го апреля оно сажает в тюрьму рабочих Лиможа, 27-го расстреливает рабочих Руана; оно освобождает всех палачей, оно обманывает и преследует всех искренних республиканцев. Измена, измена! На нем лежит вся ужасная тяжесть несчастий, которые почти уничтожили революцию. О! это

большие преступники и наиболее преступны те из них, в которых народ, обманутый речами их трибунов, видел свой меч и свой щит; те, которых он с энтузиазмом называл властителями своего будущего.

«Горе нам, если в день будущей победы народной, забывчивая снисходительность масс допустит до власти одного из тех людей, которые изменили своему мандату! Еще раз революция погибнет тогда.

«Пусть рабочие имеют всегда перед глазами этот список проклятых имен, и если хотя один появится в правительстве, возникшем после восстания, пусть крикнут в один голос: измена! Речи, клятвы, программы опять были бы только обманом и ложью; те же шарлатаны вернулись бы делать те же фокусы и с той же фиглярской сумой; они сковали бы первое звено новой цепи самой неистовой реакции!

«Предадим их анафеме, если когда-либо они осмелятся показаться!

«Стыд и жалость к глупой толпе, которая снова попалась бы в их сети!

«Нельзя удовлетворяться тем, что февральские мошенники навсегда выкинуты из городской ратуши, надо предохранить себя от новых изменников.

«Изменником было бы правительство, которое, созданное народом, тотчас же не провело бы следующих мер:

«1. Разоружение буржуазной гвардии.

«2. Вооружение рабочих и создание из них национальной милиции.

«Конечно, существует много других необходимых мер, но они естественно сами вытекут из этого первого поступка, который есть предварительная гарантия, единственная порука народной безопасности.

«Ни одного ружья не должно остаться в руках буржуазии. Вне этого нет спасения.

«Разные доктрины, которые стараюсь сегодня завоевать симпатии масс, смогут когда-нибудь осуществить свои обещания улучшений и благополучия, но лишь с одним условием—не упускать добычи из-за ее тени.

«Оружие и организация—вот от чего зависит прогресс, вот серьезное средство покончить с нищетой.

«Кто имеет оружие—имеет хлеб.

«Пред штыками преклоняются, безоружную толпу смегают. Франция, покрытая вооруженными рабочими—это наступление социализма. В присутствии вооруженных пролетариев препятствия, противодействия, невозможности—все исчезнет.

«Но для пролетариев, которые дают себя забавлять смелыми прогулками по городу, посадками деревьев свободы, звучными фразами адвокатов, будут вначале благословения, потом ругань,—наконец, картечь; и всегда—нищета.

«Пусть народ выбирает!»

Из революционной неудачи 1848—49 года и Карл Маркс выводит урок для будущих столкновений. Как и Бланки, Маркс требует немедленного вооружения всего пролетариата, чтоб помешать воссозданию старой гражданской гвардии, направленной против рабочих! Он требует также организации рабочих. Он даже указывает, что эта организация примет или форму районных советов, или форму клубов и комитетов.

В одном только пункте Маркс и Бланки расходятся. Великий немецкий коммунист считает пролетариат не в силах помешать демократам мелкой буржуазии захватить власть. Он рассматривает это господство, как неизбежное, и соответственно указывает тактику, отвечающую положению и способную дать почувствовать массам неспособность и измену эксплуататоров революционного движения.

Маркс рекомендует, кроме того, поддерживать возможно дольше революционное пламя и кончает военным кличем: «революция без перерыва!»

Из того, что Бланки не отдает этого приказа своим друзьям, не надо заключать, что он не сторонник его, потому что и в этом он согласен с Марксом. Но было совершенно бесполезно для него высказывать это. Его друзья хорошо знали, что во время Февральской революции тактика Бланки состояла именно в том, чтоб поддерживать революционное движение. И жалкое падение этой революции хорошо показало правильность его точки зрения.

Отсрочка выборов. Отклонение всякого Национального Собрания.

Бланки представлял себе революцию не как осуществление демократического строя, а как продолжение борьбы классов. И потому, хотя он и был сторонником всеобщего избирательного права, он остерегался наивных иллюзий на его счет. Он чувствовал очень хорошо, что это обоюдоострое орудие могло ранить тех, которые бы взялись за него слишком поспешно. Он видел окружающие пролетариат невежество, испорченность, рабство и ложь и не сомневался в печальном результате преждевременного голосования.

Правда, в последних писаниях Бланки попадаетея место, благоприятное всеобщему голосованию, но этот отрывок письма не уничтожает его основной теории по этому вопросу и долгой практики. Можно не задумываясь сказать, что всеобщее голосование в буржуазном обществе и даже после победоносного восстания пролетариата—это пугало для Бланки, как боялся его с первых же дней Февральской революции Жан Массе, будущий основатель Лиги Обучения и тогда воинствующий социалист.

Чего в это лихорадочное время добивалась буржуазия? Выражения «воли народа» и немедленных выборов. Под прикрытием либерализма она не прочь была поставить преграды пролетарскому движению и избежать крушения

Бланки раскрыл этот маневр. 7-го марта он писал от имени своего клуба:

«Немедленные выборы в Национальное Собрание были бы опасностью для республики. В продолжение шестидесяти лет одна контр-революция возвышала свой голос во Франции. Пресса с намордником законов о штрафах существовала только на поверхности общества. Воспитание масс всегда делалось только путем устной пропаганды, которая всегда принадлежала, которая принадлежит еще врагам республики... И потому мы хотим отложить на неопределенное время выборы и послать по департаментам граждан для пропаганды демократических идей».

14-го марта он опять настаивал на необходимости отсрочки:

«В городах класс трудящихся, закабаленный долгими годами угнетения и нищеты, не принял бы никакого участия в выборах или был бы приведен на них, как слепой скот своими господами. В деревнях—все влияние в руках у священников и аристократов. Народ не знает. Нужно, чтоб он знал. Это дело не одного дня или одного месяца. Выборы, если они произойдут, будут реакционными... Дайте народиться народу для республики».

И он прибавлял:

«Святотатство заставлять миллионы людей действовать против их собственного спасения, вырывать у них, пользуясь их неопытностью, освящение их рабства».

Бланки действительно не понимал—и никогда понять не мог—фетишизма по отношению к учредительному собранию

В 1870-м году, когда правительство национальной обороны считало необходимым созыв собрания под предлогом создания «постоянного правительства», Бланки протестовал

«Мода собирать национальные собрания началась с 1789-го года. Это прекрасная дата, но мода плохая, она никуда не годится. Она оказалась неудачной даже на первых порах. Генеральные штаты выдержали только до 14-го июля.

«Взятие Бастилии их испугало. Эгоистические буржуа, они с содроганием смотрели на выступление на сцену народа и с самого этого часа зародилась та жалкая мелочная игра страстей, которая вот уже восемьдесят лет составляет во Франции непоколебимое основание всех парламентских собраний».

«В минуту своего закрытия, после двух лет двойной борьбы—против двора и против народа—учредительное собрание было уже только орудием контр-революции. Та же смена явлений в законодательном собрании».

«Оно начинается подъемом, а кончается упадком, и 10-ое августа, которое спасает страну, происходит помимо него, почти против него».

«Конвент, с его незаслуженной славой, мало отличается от своих двух старших братьев».

«Он идет за событиями, но ни создает, ни управляет ими...»

«Стоит ли говорить об этих советах Старейшин и Пятисот—о соумышленниках или простаках 18-го Брюмера, об этой толпе пошляков, неспособных или плоско честолюбивых? А «немые» первой Империи, законодательный совет или сенат? что это такое, если не гниль?»

«В XIX веке проходит перед глазами истории длинная серия этих парламентов, сборищ алчности, низости, раболепства, пресмыкающегося у ног всех власть имущих. Если какое-нибудь случайно вступает в серьезную борьбу с правительством, то события в ходе борьбы не замедляют нарушить низости, скрываемые под наружным величием. 221 депутат, казавшиеся эпическими до 28-го июля, впадают на другой день в смешную и низкую панику».

«Жалкая палата депутатов при Луи-Филиппе—образец эгоизма и подкупности—приводит нас к двум, печальной памяти, собраниям, которые должны были бы навсегда поселить в нас отвращение ко всякого рода парламентской чуме. Франция дорого поплатилась за эти прекрасные продукты всеобщего голосования... Не достаточно ли убедились она, что в момент революции худшая опасность—это собрание с дебатами?»

«... Надо покончить с вредным обаянием представительных собраний. Это обаяние родилось из двухсот лет абсолютной власти, которые предшествовали 1789-му году. Генеральные штаты знаменовали возрождение народа. Их слава осталась за парламентской формой вообще, и целого века разочарований не было достаточно, чтоб нас образумить. Генеральные штаты были, между тем, только следствием, а отнюдь не причиной. Они оповестили результат того, что уже совершилось в умах. Едва они это сделали, как их уже опередили, и они превратились в препятствие. Франция сделалась сама жертвой королевского орудия, которое она должна была употребить против короля...»

Но чтобы обосновать свою мысль, Бланки не ограничивается этой сокращенной историей парламентского режима, он возвышается до более общих соображений и пишет:

«Что же такое, наконец, собрание? Соединение-ли это добродетелей и талантов, глубокой преданности или высшей интеллигенции,—сливки человечества или даже избранники наций? Я утверждаю, увы, что пятнадцать или двадцать образчиков этих собраний, которые в продолжение почти века надоедали, развращали или разоряли страну—были собраниями ничтожества и эгоизма, где первенствовали какие-нибудь артисты слова и опасные авантюристы, которые вскоре делались вожаками стада и господами всех. Власть попадает им в руки, и первое употребление, которое они должны из нее сделать и которое они делают, чтоб ее сохранить, это насытить алчность и тщеславие, от которых они зависят...»

Что же делать в ожидании нормального хода новых учреждений? Бланки указывает лекарство, обстоятельно описав болезнь. Чтобы пожать социальную республику, надо очистить народное поле от сорной травы буржуазной и монархической.

«Чтобы рожь выросла на земле, отравленной плевелами, надо ее вспахать и проборонить три или четыре раза, иначе семя пропадет. Так поступают крестьяне. Берите с них пример—говорит он республиканцам—и поступайте так же с их мозгами, как они поступают со своими полями для очистки их от плевел».

Капиталистическая реакция при посредстве церкви, прессы и школы, которые находятся у ней в услужении, притупляют массы и они—обманутые, питаемые нелепостями—естественно и создают нелепость. Итак, надо беспощадно разбить орудием власти эти три силы умственного гнета. Для Бланки в этом состоит одна из главнейших задач диктатуры пролетариата.

Борьба против церкви и религий.

К немедленным мероприятиям, которые должны быть выполнены после восстания, относятся следующие:

«Изгнание всей черной армии духовенства мужского и женского. Национализация всего имущества, движимого и недвижимого,

церквей, общин и конгрегаций мужских и женских, как и их подставных лиц».

Из этого видно, что дело не в том, чтоб «запречь своих лошадей в ту же телегу, как в 1848-ом году, и спокойно двинуться по тем-же колеям; теперь известно, куда они ведут». Прошли времена лицемерных молебствий. Так как черная армия является препятствием для освобождения рабочих, надо удалить ее «за границу»

Бланки настаивает:

«Пусть революционное правительство раздавит религию, выявившую себя прирожденной убийцей человечества. Это первая обязанность по охране порядка. Без этой чистки ничего невозможно сделать».

Итак, ясно: при диктатуре пролетариата нет места духовенству, и бланкисты, эмигрировавшие в Лондон после Коммуны, также пишут, отражая мысль учителя.

«Человек никогда не будет свободен, пока не прогонит бога из своего мышления и разума. Произведение мечты о неизвестном, созданное невежеством, эксплуатируемое интригой и принимаемое по глупости, это чудовищное представление существа или принципа вне мира и человека составляет канву всех бедствий, с которыми билось человечество, и составляет главное препятствие к его освобождению. Пока мистическое видение божества будет омрачать мир, человек не сможет ни узнать его, ни овладеть им вместо науки и счастья, он в нем обретет только рабство, нищету и невежество».

«Изгнать бога из области науки, изгнать его из общества—закон для человека, если он хочет достичь знания и осуществить цель революции. Надо уничтожить это заблуждение, порождающее все другие, потому что благодаря ему столько веков человек принижен, закован, ограблен, замучен».

У Бланки атеизм и коммунизм—одно. «Заключенный» так же ясно восстает на почве рационализма против религии, откровения и бога, как на социальной почве против капитала и буржуазного государства. Около 1865-го года, когда правительство было терпимее и сняло намордник с противорелигиозной прессы, Бланки свободно дал ход своей жи

вой ненависти к спиритуализму. И в то время, как ветераны 48-го года: Карно, Гарнье-Пажес, Ледрю Роллен, Луи Блан—хотя и враждебные церкви—сстаются спиритуалистами, Бланки и Прудон открыто признают себя атеистами. Атеизм Бланки совершенно естественно носит социальный характер, но он имеет многостороннее и солидное основание: научное исследование, философия XVIII века, античная история, изучение отцов церкви, трудов Ренана и Огюста Конта. Рукописи Бланки, относящиеся к социальному вопросу и политической экономии, собраны, и надо будет когда-нибудь собрать и писания, полные огня, остроумия и эрудиции, которые Бланки посвятил религиозному вопросу.

Уничтожение буржуазной прессы.

Громадная роль буржуазной прессы, как орудия порабощения, также не ускользает от Бланки. Он доказывает, что при капиталистическом режиме свобода прессы на деле позволяет только буржуазному классу отравлять общественное мнение:

«Газета — это капитал. Кто имеет деньги, печатает сколько хочет. Бедняк не может справиться с бюджетом одного листка. Богатый наводняет страну своими произведениями—плохими или хорошими. Бедняк не имеет и гроша, чтоб напечатать свои мысли. Финансисты, собственники и крупные коммерсанты могут издавать сорок, сто, двести газет. Это им ничего не стоит. Пролетарий может рискнуть несколькими грошами, которые скоро будут поглощены. Биржевик смеется над этими жалкими усилиями и этими грошами. Он действует по-княжески. Он управляет и распоряжается, как государь».

Что же происходит? Оппозиционная пресса совсем не попадает дальше городских стен, и деревня принадлежит «ретроградным листкам, которые своей печатной пропагандой поддерживают устную пропаганду священников, всяких мракобесов и крупных землевладельцев». «Все там против нас и ничто не за нас», отмечает с горечью Бланки. Это положение вещей должно измениться. Общественное мнение,

слишком долго продажное, будет изъято из-под влияния «вельмож денежного сундука». Диктатура пролетариата заботясь о свободе большинства, не дает «никакой свободы врагу». Она положит конец царству Деба, Тан¹ и другим печатным бумагам, годным только для мелочной лавочки или уборной».

Но это значит признаваться, что находишься в меньшинстве, признаваться в своей бессилии,—скажут добрые защитники. Бланки отвечает:

«Нет! большинство, приобретенное террором и намордником, не есть большинство граждан, а стадо рабов. Это слепой суд, который семьдесят лет слушал только одну сторону из двух. Он обязуется слушать теперь семьдесят лет противоположную сторону. Так как они не могли защищать свое дело одновременно, они будут делать это по очереди».

Некоторые будут плести сантиментальные и скучные речи о том, что классы и партии, одержав победу, должны думать не о возмездии, а о свободе. Бланки не поддается этим напевам. «В 1848 году республиканцы, забывая пятьдесят лет преследований, дали полную свободу своим врагам. Был торжественный и решительный час. Он больше не повторится. Победители, несмотря на долгие и жестокие обиды, брали на себя инициативу мира, давали пример его. Каков был ответ? Избиение. Дело сделано. В тот день, когда опять удастся трудящимся сбросить намордник, они наденут его на капиталистов. Год парижской диктатуры в 48-м году избавил бы Францию и историю от последней четверти века. Если теперь понадобится десяток лет диктатуры, пусть не пугаются этого».

Всестороннее просвещение для всех.

Пресса, церкви — не одни делают свое темное дело. Школа—также орудие закабаления в руках господствующих классов, которые сделали из нее нечто в роде умственной полиции, не менее полезной для сохранения привилегий,

¹ Journal des Debats, Temps—реакционные газеты. Прим пер

чем настоящая полиция. Церковная школа открыто служит мракобесию. Официальная школа, насадительница «так называемого народного просвещения» часто просто «отделение ризницы» и «в лучшем случае мастерская полуграмотности». Надо уничтожить клерикальную школу и преобразовать школу государственную.

Бланки преследует мысль о культуре умов. Известно, впрочем, что, пожираемый настоящей жаждой апостольства, он не пренебрегал, как и его старый учитель Буонаротти, профессией учителя или воспитателя. В С.-Пелажи он даже учит читать бродяг, воров, уголовных преступников, своих товарищей по заключению:

«Просвещение в атаку» — это его выражение. Безотлагательная необходимость широкого распространения просвещения кажется ему настоятельной. «Армия, магистратура, христианство, политическая организация—простые преграды. Невежество—грозный бастион».

Чтоб перескочить через эти препятствия, — надо много времени; чтоб взять этот бастион—надо целые годы прокладывания траншей, «лет двадцать» быть может. И так как коммунистический строй может быть основан только на месте разрушенного бастиона, то «нельзя надеяться, что это будет завтра». Согласно Бланки, невежество и коммунистический строй—несовместимы. «Всеобщее просвещение без коммунизма и коммунизм без всеобщего просвещения представляют две равносильные невозможности».

Он мечтал во время либеральной Империи о кредите в 500 миллионов, чтоб организовать преподавание—«серьезное, рациональное, основанное на науке». Ему кажется, что преподавание будет тогда развиваться, что оно не останется «насмешкой, гасильником». И, странное дело, этот противник всяких паллиативов тешит себя мыслью бесплатного просвещения, обязательного, рационального и полного... в рамках капиталистического строя.

Эта иллюзия держалась и во время III-й Республики. Она не укрылась от критического взгляда Жореса. Она дала возможность великому социалистическому оратору

утверждать, что под конец своей жизни Бланки — этот непримиримый и недоверчивый революционер,—считал возможным «вручить республиканской законности дело просвещения, которое раньше он доверял только революционной диктатуре».

Другие диктаторские меры.

Дело просвещения—пусть будет так! Но дело социальное и политическое—никогда!

Вот, в сфере политики, добавочные меры, которые Бланки ждал от диктатуры рабочих. Упразднение судейского сословия и отмена уголовного кодекса. Третейский суд для гражданских дел, суд присяжных для уголовных. Наказание, пропорциональное проступку и всегда назначаемое присяжными согласно их совести без обязательной скалы репрессий. Заранее может быть формулирован только род различных наказаний.

Немедленная отставка средних и высших чиновников. Наказание серьезных врагов республики за поступки после 24-го февраля 1848-го года. Кроме «всеобщего вооружения рабочих», устройство территориальных частей национальной армии взамен упраздненной постоянной действующей армии.

В финансах революционная диктатура должна провести уничтожение государственных долгов и замену всех платежей прямым прогрессивным налогом на наследство и доход.

Что касается экономических мер, наконец, то следовало бы спешить «с самым настоятельным», а не строить тотчас здание, из которого капитал был бы изгнан. Экономическая область, «бесконечно наиболее сложная», должна быть вся исследована «с зондом в руках». Было бы иллюзией считать возможным нормальное денежное обращение на следующий день после восстания. Перед нами пример 48-го года. С самого начала революции капитал прячется: он спокойно выжидает, когда народ кончит «свинячить». Когда народ «настрадался, наплакался, нажаловался и, рассердившись слишком поздно, был наконец побежден и снова надел свои оковы», капитал пускается снова в обращение.

С другой стороны, было бы безумием, чтобы не сказать преступлением, вводить силой, создавать à priori фантастический социальный организм. Достаточно не давать поправки капиталистам: смещать одних, подвергать других «беспощадному надзору». Под страхом быть изгнанными предприниматели в производстве и торговле обязались бы временно поддерживать свои предприятия на status quo. Рабочее государство вступило бы с ними в договорные отношения, а в случае отказа, взамен высланного предпринимателя, вручило бы заведывание предприятием особому управлению.

Были бы созваны съезды сведущих людей, чтоб урегулировать таможенный вопрос, горный и крупных промышленных компаний, кредита и орудий обмена.

Наконец, особому съезду было бы поручено заложить основание рабочих ассоциаций.

В земельном отношении надо было бы поступать с чрезвычайной осторожностью. По многим причинам. Во-первых, «невежество и недоверие гораздо сильнее в хижине, нежели в мастерской»; «кроме того, здесь не существует могущественных побуждений — необходимости и выгоды, которые тянули бы крестьянина к ассоциации». Следовало бы прежде всего хорошо ознакомить крестьян с понятием коммунизма вообще и предоставить им полную возможность присоединяться или нет к земледельческим ассоциациям, устраиваемым новым правительством. Мелких и средних собственников, конечно, надо щадить. Бланки ни слова не говорит о земледельческих рабочих—о батраках.

Все эти настоятельнейшие меры диктатуры пролетариата, как и вышеприведенные, выдвигались Бланки в 1869 и 1870 году. Как раз в конце 1869 года немецкая рабочая социал-демократическая партия выработала в Эйзенахе свою программу. Нельзя не отметить поразительную аналогию, за исключением только нескольких пунктов, между программой-минимум немецких марксистов и требованиями Бланки от диктатуры пролетариата. Разница заключается в том, что меры социал-демократической партии из простых предметов агитации становятся у Бланки—

благодаря захвату политической власти—объектом реализации.

Было бы очень интересно сравнить требования Бабефа и Коммунистического Манифеста Маркса в случае захвата власти—с теми, которые ставит Бланки, но эта параллель завела бы нас слишком далеко. Мы ограничимся просто указанием—в экономической сфере—на умеренность требований Бланки по сравнению с требованиями Бабефа и Маркса. Русский революционный опыт, такой поучительный, показывает между прочим, что Бланки прав, советуя осторожность в экономическом строительстве. Некоторые экономические меры Бланки напоминают «нэп». Русский опыт доказывает также, что на задачу экономического созидания пролетарской революции прежде всего и больше всего влияет гражданская война. Эта тяжелая борьба отмечается принятием необходимых военных и политических мер. Надо признать, что Бланки, естественно, их недооценивает. Отсюда—некоторая наивность в его предвидениях, как и во всех предвидениях революционных социалистов до-октябрьской революции 1917 года.

Коммунизм.

Когда диктатура пролетариата будет установлена, закреплена и начнет давать все свои результаты, через какой срок коммунизм сможет установиться во Франции? Бланки ставит себе этот вопрос.

И он отвечает в таких выражениях:

«Трудный вопрос. Если судить по теперешнему настроению умов, то нельзя сказать, чтоб коммунизм стучался в двери. Но нет ничего обманчивее какого-нибудь положения вещей, потому что нет ничего подвижнее. Великая преграда—это невежество, никогда не лишне это повторять. На этот счет Париж строит себе иллюзии. Это и понятно,—этот светлого места не замечаешь темного. Газеты, путешественники рассказывают о провинции, но изобразить ее они не в состоянии. Надо погрузиться во мрак, чтобы понять его... Поэтому нам невозможно ясно представить себе решение социальной задачи. Между тем, что есть сейчас, и тем,

что должно быть, существует такое большое расстояние, что мысли не удастся перенестись за него.

Тем не менее в виде гипотезы Бланки дает ключ к загадке. Коммунизм, опираясь на всеобщее просвещение, осуществится только тогда, когда ни один человек не сможет быть «одурочен другим». Конечно, можно возразить, что равенство образования совсем не влечет равенства способностей и что умственная иерархия будет существовать всегда—от ничтожества до гения.

Согласен, говорит Бланки, но и самый неодаренный человек, обладая всесторонним образованием, будет иметь в нем достаточное орудие против обмана, какова бы ни была маска.

Исходя все из той же гипотезы, Бланки пишет, что «коммунистический строй не может импровизироваться» поспешно установиться, потому что он будет следствием просвещения, которое также не дается сразу. Обращаясь очевидно к своим собственным воспоминаниям, Бланки прибавляет с негодованием:

«Не забудем расу вампиров, которые в то же время и хамелеоны. Она не исчезнет на другой день революции, как и раса доверчивых и прстых людей—ее обычная добыча. Одежду вывернуть нетрудно. Из под земли вырастут толпой, как грибы после дождя, шарлатаны коммунизма, чтобы вербовать мужчин, Тартюфы коммунизма, чтобы лаской привлечь на свою сторону женщин. Им—безошибочной ценой интриги может достаться управление, т.-е. свободное распоряжение коммунальным достоянием. Масса невежд делается тогда их жертвой, их армией... совершенно как это происходит теперь, но с последствиями гораздо более ужасными:... это был бы страшный скачок назад! Не безумие ли, впрочем, воображать, что, «просто перекувыркнувшись, общество сразу может вскочить на ноги переустроенным заново? Нет, дело не происходит так ни у людей, ни в природе».

Но какова бы ни была трудность и длительность задачи, никакое сомнение невозможно: нас ждет коммунизм в конце человеческого прогресса. Это—«последнее слово социальной науки», «последний предел ассоциации», «идеал будущего».

Он один в состоянии принести действительное и справедливое решение социальных затруднений, неравенства и анархического производства. Он один способен излечить человечество от отвратительных, раз'едающих его язв.

Это оспаривается, конечно, капиталистами и их слугами более или менее сознательными.

Они утверждают прежде всего, что коммунизм—регресс, что он стремится вернуть людей к примитивным формам собственности и хозяйства.

Бланки отвечает им:

«Неверно, что коммунизм всегда бывал детством какого-либо общества и что он отмечает самую низшую ступень в лестнице общественной жизни. Подобное утверждение диаметрально противоположно истине. Вся история служит непрерывным опровержением его».

И он в общих чертах рисует прогрессивный ход истории человечества с «наиболее развитым индивидуализмом» вначале. Чтобы получить наиболее убедительные указания о нравах и образе жизни первобытных народов, Бланки рассуждает по аналогии. Он говорит об австралийцах, индейцах Америки, монголах. Он издевается над смехотворным аргументом об общинном землевладении:

«Это все равно, что назвать современные народы коммунистами потому, что они не делят море на частные участки... Коммунисты ли австралийцы, потому что не делят земли? Зачем им это? Ведь они ничего не извлекают из нее. Коммунизм дикости—это не то же самое, что коммунизм культуры. Это как раз обратное. С одной стороны, полное отсутствие труда, с другой—усовершенствованный труд; противоположные пункты человеческого хозяйства. Коммунисты ли волки потому, что ходят стадами в лесах? То, что составляет сущность коммунизма,—это не бродяжничество по необработанной земле, а обработка ее сообща, общими силами. Дикари ультра-индивидуалисты именно потому, что не имеют ничего, кроме кое-каких незначительных орудий, плодов личного труда каждого из них, и не чувствуют, даже потребности в натуральном обмене.

«Раздел земель был большим шагом к коммунизму. Это очевидная истина, которая кажется парадоксом. Но лжи ва-

то очевидность. Она только вводит в заблуждение благодаря отсутствию критики. Со времени своего появления на земле, человечество не сделало ни одного шага вперед, который не приближал бы его к коммунизму».

Еще менее правдоподобно возражение, что коммунизм есть отрицание свободы. Тут Бланки возмущается.

«Где доказательство,—спрашивает он,—в подтверждение этого обвинения? Это только клевета без адреса, потому что обвиняемый никогда не существовал. И во имя чего это вызывающее обвинение? Во имя индивидуализма, который в продолжение тысячелетий не переставал убивать свободу индивидуума. Среди нас, этих индивидуумов, которых он не сделал бы илотами и жертвами? Один на десять тысяч быть может. Десять тысяч мучеников на одного палача! Десять тысяч рабов на одного ирана! И это—то отстаивают во имя справедливости. Я понимаю! Какая-нибудь зловещая затея кроется за этим определением...

«Свобода, которая борется против коммунизма, мы знаем ее,—это свобода закрепощения, свобода беспощадной эксплуатации, свобода широкого существования на спине у масс, когда народ служит подножием, как говорит Ренан. Эту свободу народ справедливо называет угнетением и преступлением. Он не хочет более вскармливать ее своею плотью и кровью.

«Коммунизм есть охрана индивидуальности, индивидуализм его гибель. Для первого всякий индивидуум свят. Другой считается с ним, как с дождевым червем, и изводит его гекатомбами кровавой троицы: Лойолы, Цезаря и Шейлока, а затем безмятежно заявляет: «Коммунизм был бы гибелью для индивидуума».

«Он помешал бы пиршеству антропофагов—это ясно. Но те, на чей счет это пиршество происходит, не найдут эту помеху плохой. А это—главное».

И лучше того. Капиталисты, вспыхнув внезапно заботливостью о роде человеческом, спрашивают с тревогой, что будет с ним при коммунизме. И они требуют от коммунистов изложения будущей организации в мельчайших по-

дробностях, разрешения всех затруднений, которые могли бы возникнуть; одним словом—завершенного здания «от подвала до чердака, не упустив ни гвоздика, ни винтика» Они спрашивают с трогательной добротой: «Как гражданин этой новой Саланты будет располагать собой и своим временем, если ему заблагорассудится поехать куда-нибудь или отдохнуть где-нибудь? Кто будет мыть посуду? Кто будет выметать сор? Кто будет выносить нечистоты, кто таскать воду? Кто, наконец, будет добывать уголь из рудников?» Бланки—ядовитый и остроумный, как всегда—отвечает:

«На эти дерзкие вопросы может быть один ответ: это ни вас, ни меня не касается. Как?! Вот сорок, пятьдесят миллионов человек, хорошо подготовленных ко всему, лучше чем наш любой академик, вооруженные с головы до ног против насилия и хитрости... И эти сорок миллионов способных людей, которым ни один из нас и в подметки не годился бы,—нуждаются в наших советах, чтобы организоваться, в наших правилах, в нашей дисциплине... Это смешно...

«Что такое прошлое? Это сухие листья, подстилка скоту. История движется резкими порывами, с величайшим хладнокровием ступая по горам трупов и развалинам. Никакая бойня не заставляет дрогнуть бровью равнодушных людей. Избиение целого народа? Эволюция человечества. Нашествие варваров? Вливание молодой и здоровой крови в старые вены римской Империи. Смерч германцев и гуннов пролетел над латинским миром для того только, чтобы очистить застоявшийся воздух. Это ураган, посланный провидением! Что касается населения и городов, низвергнутых бедствием по пути,—необходимость... фатальный ход прогресса...

«Но когда дело идет о будущих поколениях? Какая пелена! Бесчувственность сменяется безумной страстью. Их охватывает такая горячая нежность к этим будущим младенцам, что они спешат их запереть на ключ, чтоб предохранить от случайностей. Их шаги, движения сочтены, уравновешены из боязни падения. Все заранее предусмотрено».

Бланки, как это видно из вышеприведенного, очень остроумно отвечает на вопрос, так часто поднимаемый противниками коммунизма. Но он, кажется, не видит научного или экономического метода его разрешения. Кропоткин дает некоторое представление о том, как исчезнут тяжелые работы и отталкивающие профессии с прогрессом науки и техники. Другие теоретики полагают, что в неприятных или вредных профессиях будет короче рабочий день.

Критика различных социалистических школ.

Бланки смеется над всеми утопистами, «которые слишком хлопочут о планировании будущего».

«Это одно из наших самых смешных самомнений, нас — варваров, нас — невежд представлять себя законодателями будущих поколений. Эти поколения, о которых мы берем на себя труд беспокоиться и готовить им предохранительные ограждения, сторицею вернут нам жалость, которую внушает нам самим пещерный человек, и их сострадание будет гораздо более оправдано, чем наше... Предоставим будущее себе самому... Отвернемся от этих далеких перспектив, которые даром утомляют глаза и мысль, и возьмемся снова за нашу борьбу с софизмами и закрепощением».

Этих слов, проникнутых здоровым реализмом, было бы достаточно, чтоб определить отношение Бланки к различным социалистическим школам его времени, если-б мы не располагали кроме того многочисленными и точными текстами

Вообще Бланки считал, что социализм находится в пленках. «Социализм еще переживает свой период критицизма» сказал он Ранку в 1869 году. Когда Лафарг, приблизительно около того-же времени, принес ему брошюру, разбирающую мутуализм¹, коллективизм и коммунизм, Бланки сказал: «Эти рассуждения о возможных формах будущего общества — революционная схоластика».

Прежде всего, как человек действия, Бланки борется за самое настоящее, и он чувствует, что подготавливает

¹ Учение о взаимопомощи

будущее более действительным образом, чем все мечтатели о социальном рае на земле. И потому в его глазах «истинные социалисты всегда революционеры».

Три или четыре социалистические системы, появившиеся совершенно готовыми, как чистые порождения фантазии, ничего не имеют общего с коммунизмом, «который должен избегать замашек утопии и никогда не отделяться от политики». Эти системы, впрочем, были бы только невинными маниями, если-б их авторы не поддерживали тех, которые борются против разрушителей старых казематов. Этого-то Бланки не может допустить.

Кабе с его Икарией потерпел неудачу потому, что сделал ошибки, желая уподобить «стройный идеал будущего ни на чем не основанным гипотезам убогих мечтателей». И потом, вместо того, чтобы рассматривать коммунизм как «общий вывод», он захотел осуществить его «в одном уголке человеческого рода». Грубая ошибка.

Сен-симонисты, которых некоторые считали «опасными новаторами», сделали столпами Империи. Их доктрины были отчасти осуществлены, и пролетариат от этого не стал счастливее.

Фурьеристы «с их смехотворной утопией» ухаживали восемнадцать лет за Луи-Филиппом с большим ущербом для республиканской идеи. Что касается позитивистов, то у Бланки не достает слов достаточно суровых чтоб заклеить их. Мы показали выше, с каким ожесточением боролся Бланки с социализмом Прудона, так принижающим борьбу пролетариата. Но тем не менее он признателен ему за то, что он рядом с коммунизмом вел «бесперывную борьбу с капиталистической тиранией» и признавал право только за трудом. Он отмечал также, что Луи Блан и Прудон «говорили иногда прекрасные вещи». Из всего этого видно, что Бланки не сектант. Он умеет признать заслуги и других теорий. Он даже сожалеет, что между прудонизмом и коммунизмом происходят столкновения. Конфликт между ними главным образом в методах, потому что на практике Прудон и его друзья вели себя как индивидуалисты и мелкобуржуазные консерваторы.

Тактика восстания.

Чтобы выяснить происхождение методов борьбы Бланки, надо объективно вернуться к историческому периоду, выдвинувшему его, т. е. к Июльской монархии, а в области идей— к бабуизму.

Экономическая и социальная среда 30-х и 40-х годов была достаточно очерчена в первой главе, и было бы бесполезно возвращаться к этому. Напомним только, что по Марксу—это «первый период борьбы, еще не вполне выявившейся, между пролетариатом и буржуазией». Это фаза «сектантского движения, это детство пролетарского движения». Правительство ограничительными законами мало-помалу толкает рабочую и демократическую оппозицию на нелегальный путь; тайные общества умножаются. И те, которые, как Бланки, совсем не ожидают спасения от правящего класса и не забавляются постройкой воздушных замков, естественно возводят в систему тактику насильственного переворота.

Буонаротти приносит наследие борьбы «равных». И все то, что старый тосканец почерпнул в воспоминаниях французской революции, тактику восстания, которую он приобрел в заговорах, в которых участвовал, мысль о завоевании столицы, как крепости революции,—все это Бланки делает своим. И вот почему бланкистский метод так родственен якобинству.

В сущности дело идет о прочном создании действующего меньшинства, милиции, отряда, бесповоротно преданного революции, способного поколебать неорганизованную массу, и при первом сигнале выступить против правительства с оружием в руках, захватить власть и благодаря ей управлять национальной жизнью. Это плотное ядро Бланки сумел создать подпольным путем, подбором вождей, дисциплиной и однородностью состава. К чорту блестящих говорунов, дилетантов коммунизма, товарищей, обуреваемых вечными сомнениями и постоянными замалчиваниями!—Бланки умел порвать с ними, как он умел и отличать людей с характером, готовых на борьбу и на жертву,

способных направлять и поддержать действие среди сильного шквала. Эти люди—в центре, как крепкое ядро, а на периферии—пылкие повстанцы, скромные, послушные, готовые повиноваться каждому приказанию вождей—такова структура бланкистской гвардии. Можно сказать, что в продолжение трех четвертей века Бланки толкал революционную организацию—с небольшими отклонениями в оттенках—на этот путь борьбы.

Бланки постоянно изучает технику восстания, чтобы обеспечить ему удачу. Его друзья говорили, что больше всего выдавалась в нем личность вожака. Действительно, по своей любви к борьбе, своему глазомеру вождя, своей решимости, своим стратегическим знаниям Бланки был своего рода генералом гражданской войны.

Радек, в прекрасной статье о Ленине, указывает, что вождь русской революции заимствовал у военной школы Клаузевица, Жомини и Мольте классовую стратегию, необходимую восставшему пролетариату. Так вот,—Бланки также не пренебрегал уроками профессионалов стратегии. Не раз в тюремном каземате можно было застать его работающим над картой главного штаба или углубленным в чтение военных сочинений.

Его статьи в «Отечество в опасности», его «Инструкции на случай восстания» доказывают, какими обширными познаниями он обладал в этой области.

Однако в тактике бланкизма существует большое темное пятно.

Организовать отряд, готовый на все—недостаточно. Чтоб склонить в пользу пролетариата соотношение существующих сил, этот отборный революционный отряд будучи непоколебимым и твердым, не должен все таки стать сектой. Он должен быть связан тысячами и тысячами нитей с самой толщею массы, чтоб будить ее, обучать и закалять. Прислушиваясь к малейшим народным желанием, он никогда не должен двигаться впустую, без строго намеченной цели. Он должен сделаться двигательной силой трудящегося класса, идущего на приступ власти.

Бланкизм остался по справедливости синонимом возбуждения восстания, прежде чем масса поняла необходимость его. Мятеж 12-го мая 1839 г., мятеж 14-го августа 1870 года—вот типические примеры этого рода революционного авантюризма. Правда, в двух случаях—в 48 году и под конец империи Бланки удаётся отчасти выйти из узких границ своей секты и тут и там создать себе опору действия. Но странно, что он не видал в нарождающихся экономических организациях пролетариата материальной силы, способной последовать за его действующим авангардом и в то же время увлечь за собою большую часть рабочего класса.

В конце концов бланкизм, хотя и работал не отрываясь от жизни, не умел воспользоваться новой эволюцией пролетариата. Слишком придерживаясь насильственной практики восстания, которой были отмечены первые шаги, рабочего класса, он упускал из виду другое оружие, которым история великодушно снабжала пролетариат. Этим объясняется, несмотря на удивительный героизм, слабость его революционной деятельности. От этого зависит также его второстепенная роль в Интернационале.

Бланкизм в Интернационале и Коммуна.

Известно, что Интернациональная Ассоциация Рабочих родилась в Лондоне 28-го сентября 1864 года. Бланки был тогда в Неккеровском госпитале.

Толэн, Фрибург и Лимузен были во Франции первыми корреспондентами этой Ассоциации. На Толэна смотрели почти что как на орудие Пале-Рояля, т.е. либерального бонапартизма. Он, по всем правилам, зарегистрировал статус Интернационала в префектуре полиции и, как истый прудонист, провозгласил аполитизм нового общества. Такое поведение не могло, понятно, привлечь к Интернационалу симпатии Бланки.

В сентябре 1866 года открылся в Женеве первый конгресс Интернационала. Бланки вначале хотел принять

в нем участие, но потом переменял тактику. Тридон передал парижским бланкистам распоряжение воздерживаться и не принимать участия в дебатах. Тем не менее, адвокат Прото, аптекарский помощник Альфонс Гумбер и портной рабочий Жаннон отправились на Конгресс. Они были довольно плохо приняты этим «так называемым космополитическим собранием» и, в конце концов, исключены. Тогда—рассказывает Бланки,—официальные ораторы в форме монологов» изрекли прорицания совершенно в духе социального мира. И действительно, ни коллективизм, ни коммунизм не выявили себя в дебатах этого Конгресса, который очень справедливо прозвали «прихвостнем Прудона».

С тех пор завязалась ожесточенная борьба между «Гравилльерами», или французскими приверженцами Интернационала, и бланкистами.

Лозаннский Конгресс в 1867 году принял предложение жевневских рабочих, заявлявшее, что рабский народ не может решать социальный вопрос, и, следовательно, первая реформа, которой надо добиваться, есть политическая реформа. Бланки не преминул отметить по этому поводу «иезуитское поведение «Гравилльеров». Он восставал против их «лицемерных и половинчатых софизмов и их измены, которые прикрываются практическим интересом, чтобы скрыть свою трусость и свое единодушие с врагом».

Хотя Бланки в 1868 году жил в Брюсселе, он не благоволил показаться на III Конгресс Интернационала, который происходил в этом городе. Но коммунизм уже завоевывал почву в Ассоциации. В следующем году в Базеле, поддерживаемый бланкистами, он восторжествовал, вызывая ужас в буржуазном лагере.

В какой мере чувствовалось влияние бланкизма в среде Интернационала,—это трудно определить при теперешнем состоянии материалов. Все, что можно сказать, это то, что бланкисты, равнодушные к специально рабочим вопросам, действительно не могли играть активной роли в Ассоциации. Только после Коммуны, как мы увидим ниже, согласились они принять участие в Генеральном Совете Интернационала.

Коммуна была ничто иное в сущности, как приложение бланкистского метода, облегченное фактом вооружения национальной гвардии.

Бланки не мог принимать участия в Коммуне. Это было большое несчастье, и Коммуна это хорошо чувствовала. Она предложила всех бывших у нее заложников за освобождение старого революционера и предоставила в распоряжение его друзей 50.000 франков, чтоб попытаться вывезти его из тюрьмы.

С его организаторскими и военными способностями, с его умением ориентироваться, с обаянием, которое было связано с его именем, Бланки сделался бы скоро главой и надеждой восстания. Жаклар думает, что у него хватило бы необходимой решимости и авторитета, чтоб с 19-го же марта двинуться на Версаль, что, очевидно, изменило бы порядок вещей. Нельзя отрицать во всяком случае, что Тьер знал цену участия Бланки в Коммуне; «Наконец-то!—воскликнул он, узнав об его аресте,— в наших руках самый большой злодей из всех!» И позже, когда Коммуна в сущности уже была побеждена, он сказал буквально следующее Флотту: «Вернуть Бланки восстанию—это значило бы послать ему силу, равную армейскому корпусу».

За отсутствием Бланки, бланкисты сыграли самую живую роль в Коммуне. Они «чувствовали положение и брали верную ноту», сказал про них поэт Ж. Б. Клемент. От них исходили боевые меры. С самого начала Вальян был убежден, что главным делом должно быть движение на Версаль. И Эд, в ночь с 18-го на 19-ое марта, предложил немедленное наступление на Версаль.

При всем том, надо сказать, что бланкисты не оказались на высоте выпавшей им задачи. Они подумали о строгой централизации и о диктатуре только тогда, когда было уже слишком поздно. Они не интересовались экономическими вопросами. И—странное с их стороны дело,—они не почувствовали необходимости создать дисциплинированную революционную партию, способную действовать решительно и систематически посреди импульсивных и клочковатых сил, господствовавших в Коммуне.

Бланкизм и марксизм.

Тотчас после усмирения парижского восстания, те из бланкистов, которые не были расстреляны, как Дюваль, Рауль Риго, Ферре, Жантон и др., убиты на баррикадах или выснаны—искали убежища за границей. Тридон умер в Бельгии вскоре после своего п.езда. Самое крупное ядро бланкистов находилось в Лондоне. Оно группировалось вокруг Эда, прозванного «генералом».

Маркс в Лондоне встретил изгнанников Коммуны с распростертыми объятиями. Несколько бланкистов вошло в Генеральный Совет Интернационала—Вальян, Ранвье, Констан Мартин, Курне, Арно. С тех пор их взгляды приняли марксистскую окраску.

На Конгрессе в Гааге (1872 бланкисты соединились с марксистами против федералистов (Бакунина и Джемса Гильома). Вальян говорил, что надо «согнуть имущие классы под диктатурой пролетариата», и, хотя и признавал, что «с'ачка есть революционное средство борьбы», но утверждал, что «баррикады—другое средство для той же борьбы и самое могущественное из всех».

Робость, раздоры, склонность к парламентаризму Интернационала и перенесение его местопребывания в Нью-Йорк заставили бланкистов первать с ним. В своем манифесте они с'б'являют о своем намерении «воссоздать революционную партию, организовать отщепенцев и подготовить новую и окончательную борьбу».

К концу следующего года они действительно завязали отношения почти со всеми своими друзьями, избегнувшими преследований, и создали группу, которую назвали «Революционная Коммуна», конечно, в память старой группы, основанной в Лондоне изгнанниками бланкистами и коммунистами 1848 года. Общество это было тайное и дисциплина полная по бланкистскому с'быкновению.

В июне 1874-го года группа напечатала манифест к «Коммунарам», который несколько раз был воспроизведен полностью, между прочим и в «Коммунистическом Бюллетене» 1-го июня 1922 года. Тройственное

исповедание — атеистическое, коммунистическое и революционное, которое составляет основание бланкизма, выражено в нем открыто и красочно.

«Но этот манифест имеет еще другую заслугу — отмечает Амедей Дюнуа — гораздо большую. Это самый старый документ французского социализма, на который идеи марксизма наложили печать. Он представляет действительно историческую дату, и какую дату!.. введение во Францию теорий Маркса, теорий, заключенных в Нищете Философии, Коммунистическом Манифесте и Капитале».

Действительно, если не обращать внимания на антирелигиозную часть документа и место о компромиссах, отмеченное Энгельсом в «Народном Государстве» (1874) и Лениным в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», все остальное показывает уже большое знание марксистской теории. Мы присутствуем, так сказать, при слиянии марксизма и бланкизма. После смерти Бланки, на этом теоретическом основании будут объединяться бланкисты под предводительством Э. Вальяна в центральном революционном комитете (июнь 1881 г.), потом в революционной социалистической партии (1898 г.).

Заслугой марксизма было снабдить пролетариат философией, политической экономией и техникой борьбы, очищенными от утопических и случайных элементов. Он приносил пролетариату итог социалистического опыта, начиная с Бабёфа, и во многих пунктах этот опыт совпадает с учением Бланки. Что же удивительного поэтому, что ученики Бланки — лишенные вдобавок всех трудов своего учителя — искали у Маркса пополнения своим социальным и революционным знаниям? Захват власти рабочим классом; борьба классов и роль ее в истории; отвержение всех паллиативов для настоящего и всех поварских рецептов для будущего»; необходимость пролетарской диктатуры в период перехода от капитализма к социализму; коммунизм, вытекающий из экономической и политической эволюции; критика всеобщего избирательного права. парламентарского кретинизма, демократического лицемерия: все эти положения Маркса, — разве и Бланки их не формулировал? Но на этот раз они были объединены, систематизированы высшею

логию. Ученики Бланки находили, кроме того, у Маркса замечательное изложение механизма капиталистического производства и создания прибавочной стоимости. В сношениях с немецким социалистом они научились, главным образом, не подставлять своей отважной воли на место слабости объективных условий и мало-помалу отделились от «метафизических костылей», к которым старик прибегал еще довольно часто. Таким образом, пройдя через горнило марксизма, — бланкизм утвердился во Франции, как одна из тенденций социалистического движения, до основания Объединенной социалистической партии.

Надо сказать, чтоб не нарушить правды, что новое теоретическое основание бланкизма, обязанное, главным образом, влиянию Вальяна и некоторых вождей, ускользало обыкновенно от членов местных организаций, сторонников заговора прежде всего. Эти люди показали во многих случаях, а именно в декабре 1887 года, во время выборов президента республики, что они всегда способны действовать. Но слабость их социалистической идеологии и погубила некоторых из них; они присоединились к буланжистскому движению в тщетной надежде направить его к социальным целям.

Это было причиной раскола. Разгорелась ожесточенная борьба между двумя соперничающими фракциями, пока Гранже и Эрнест Рош не потеряли окончательно доверия социалистического пролетариата и осталась одна только фракция Вальяна.

Русский бланкизм.

Не в рамках легальной деятельности мог по-настоящему развернуться бланкизм. Нужно было существование произвола, отсутствие всякой возможности легальной деятельности, ожесточенность господствующего класса и правительства при последнем издыхании, чтоб толкнуть лучшую часть революционных сил на путь бланкизма.

И когда Бланки умер, существовал уже русский бланкизм, более бланкистский в действительности, чем сам Старик, потому что, как Бланки ни был пылок, а он умел выжидать,

если это было необходимо, и в случае надобности сдерживал нетерпение своих друзей. «Не создают движение, а только направляют его», — говорил он иногда, осуждая таким образом неудачные попытки, на которые часто толкали его друзья. Вожди русского бланкизма утверждали, напротив, что они не имеют права ждать. Они отличались от Бланки еще в том, что допускали и выполняли индивидуальные террористические акты. Но во всем остальном они вдохновлялись теориями «Заклоченного».

Начиная с 1875 года Набат противопоставлял антигосударственному федерализму Бакунина принцип централистической и диктаторской революции, направляемой сознательным меньшинством. Он говорил: «Пока государственная власть не будет насильственно захвачена революционной партией, никакое прочное и радикальное изменение в существующем социальном строе невозможно».

Петр Ткачев, вождь русских бланкистов и сотрудник Бланки, отстаивал свои положения оригинальными аргументами, почерпнутыми в национальных условиях России. Он изложил их в открытом письме к Энгельсу, которое Плеханов перепечатал.

Влияние Бланки на блестящую плеяду русских революционеров, которая предшествовала современному поколению, было велико. Это, впрочем, видно было уже на его похоронах, где два представителя новой России пришли прославить память его. Турский от имени Набата и «Группы Народного Освобождения» напомнил, что царизм запретил произносить в России даже имя Бланки, синоним борьбы за свободу.

«Запрет бессильный, — прибавил он: — Вся русская молодежь внимательно следила за горячей борьбой великого французского революционера. Огюст Бланки был для нас примером и образцом. Он научил нас непримиримой борьбе, которую мы ведем теперь против царского деспотизма».

Со своей стороны, Ткачев так говорил о великом покойнике:

«Он был нашим вдохновителем и нашим вожаком в великом искусстве заговора. Это всеми признанный вождь, который передал нам с революционной верой и упорством

в борьбе и презрение к страданиям ее Реакция в продолжение полувека делала из Бланки чудовище по своему подобию, она рисовала его всему миру как кровавое и злобешее пугало, перед которым глупцы и трусы отступали и сегодня, когда он умер, этот великий гражданин, этот неустранимый защитник прав народа, эта великая жертва всех реакций, это живое воплощение революционной идеи, — реакция думала, что все кончено и что вместе с его трупом земля прикрыла и задушила революцию. Реакция ошибается Для нас Бланки не умер. Обаятельный и симпатичный образ великого мученика неизгладимо запечатлен в наших сердцах: он остается нашим главой, он остается нашим вождем».

В устах предшественников, первых героев русской революции, такие речи принимают глубокий смысл и составляют лучшую похвалу Бланки